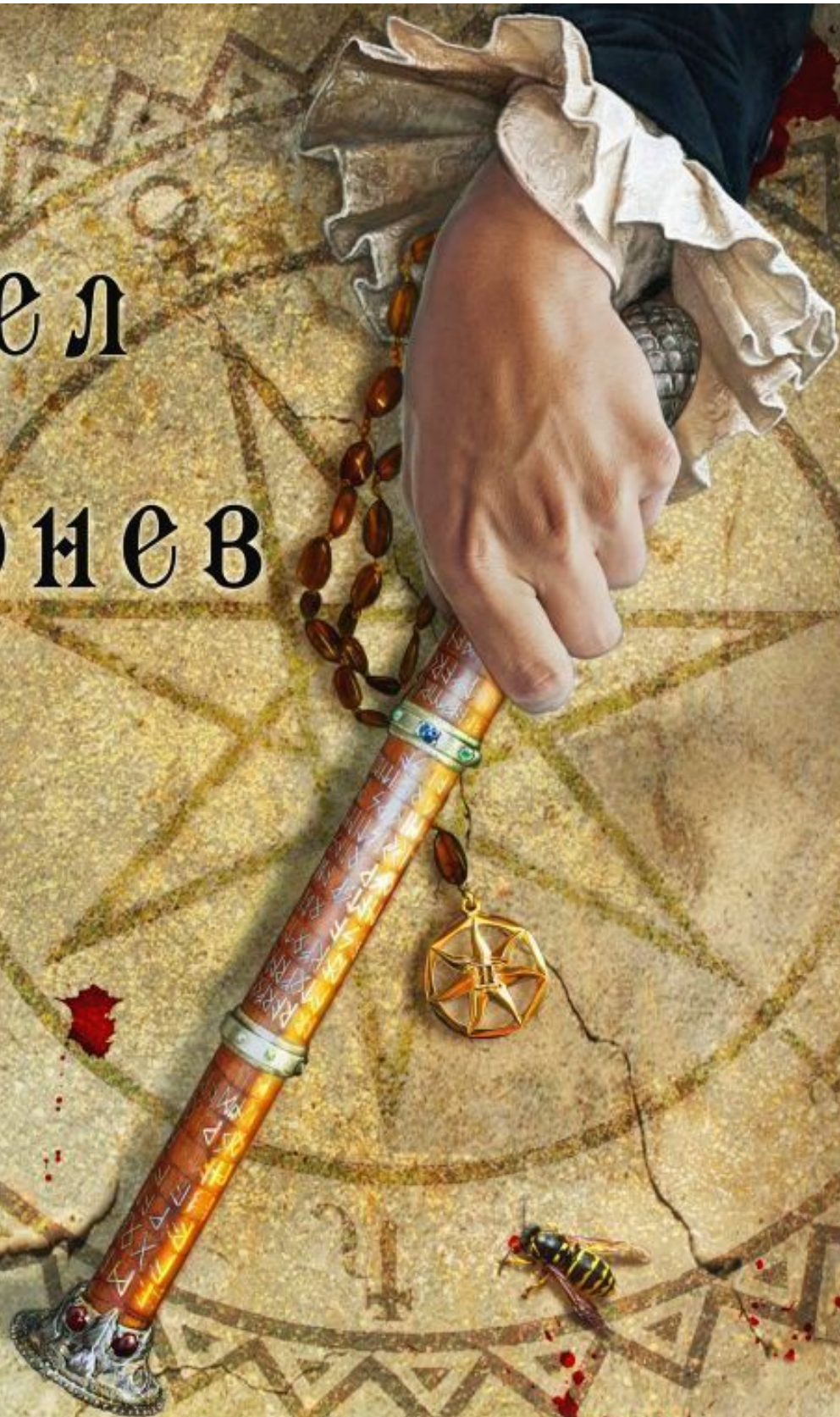

Павел
Корнев

РИТУАЛИСТ

1

Небесный эфир

Павел Корнев

Ритуалист. Том 1

«Автор»

2019

Корнев П. Н.

Ритуалист. Том 1 / П. Н. Корнев — «Автор», 2019 — (Небесный эфир)

От сотворения мира небесный эфир пронизывает всё сущее, а люди и нелюди сплетают из него чары и направляют их на благо себе и во вред другим. Магистр Вселенской комиссии по этике Филипп Олеандр вон Черен выслеживает чернокнижников из числа учёного люда, но чем дальше, тем сильнее закручивает его водоворот чужих интриг. Враги идут по пятам, магический жезл и пара покрытых колдовскими формулами пистолей больше не способны гарантировать безопасности. Нужны надёжные помощники, которые прикроют спину и не воткнут в неё нож, как бы им того ни хотелось...

© Корнев П. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая: Ведьма	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Часть вторая: Белая дева	43
Глава 1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел Корнев

Ритуалист. Том I

Часть первая: Ведьма

Глава 1

1

Ночь или день. Тьма или свет. Сон или боль.

Ночь дольше. Тьма чаще. Сон – почти беспрестанно. И не сон даже, а плотное и вязкое забытие, в котором тонули чувства и разум; тонуло все, даже боль. Проявлялась она, лишь когда начинал рассеиваться мрак и понемногу из небытия выплывали смутные силуэты окружающих предметов. Огненные пальцы тут же принимались терзать внутренности, а малейшая попытка пошевелиться вызывала судороги и корчи.

Тогда меня прижимали к тюфяку и вливали в рот теплое сладкое питье. Молоко, мед, лесные травы, маковый настой. И я проваливался во мрак, в благословенное ничто, а откуда-то из неведомого далека вслед за мной летела заунывная колыбельная. В немудреной песенке не удавалось разобрать ни слова, но это не имело ровным счетом никакого значения. Я засыпал.

Засыпал и пробуждался. Раз за разом, день за днем, ночь за ночью. Пока однажды не проснулся и не обнаружил, что боли больше нет. Ну, почти нет...

Чья-то рука приподняла голову, и к губам поднесли блюдечко, но я захрипел, не желая пить дурманное зелье.

– Воды!

Слово вырвалось сиплым хрипом, обожгло пересохшее горло, заставило закашляться, но меня услышали и поняли. И даже сочли нужным исполнить просьбу.

Вода! Чистая вода! Ангелы небесные, до чего хорошо! Я жадно глотал, присосавшись к деревянному черпаку, потом без сил откинулся на подушку и шумно выдохнул. Голова закружилась, тени взвились и пошли кругом. Какое-то время удавалось балансировать на самой грани беспамятства, а затем свет окончательно померк.

– Не сейчас!

Хлесткая пощечина вырвала из мягких объятий забытья, к губам вновь поднесли блюдце. И снова я не пожелал пить теплое молоко, приправленное медом, маковым зельем и настоем лесных трав.

– Не надо...

– Тогда не спи! – потребовали от меня. – Не засыпай, слышишь?

– Слышу... – просипел я, пытаюсь продраться через паутину беспамятства.

Меня ткнули ножом. Да! Клинок угодил в поясницу, и я, истекая кровью, полз неведомо куда. Потерял сознание и должен был умереть, но не умер. Не умер ведь?!

Я вздохнул поглубже и хрипло кашлянул; боль наждаком продрала нутро. Нет, не умер! Ни на небесные палаты, ни на пыточные запределья мое нынешнее пристанище нисколько не походило. Неужели кто-то из добрых горожан наткнулся на истекающего кровью чужака, приволок к себе и взялся выхаживать? Чего только не случается в этой жизни!

Сил оторвать голову от подушки не было, да и темень комнату заполонила слишком уж непроглядная. Не видно было ни зги; взгляд различал лишь смазанные силуэты.

Тени, тени, тени. Одна из них разговаривала со мной и дала напиток. Молодая женщина или даже девушка. Голоса зачастую обманчивы, но женщина или девушка – точно, здесь ошибки быть не могло.

Я попытался подняться, но меня тут же скрутил приступ сухого кашля, а когда кое-как удалось подавить его и отдышаться, силы окончательно иссякли. На этот раз отказываться от молока я не стал.

Ночь или день. Беспамятство или свет. Тьма или боль.

Впрочем – нет, все было не совсем так. Вместо дня – утро, вместо света – густой полумрак, а боль затаилась и утихла, лишь изредка царапая своими острыми коготками спину. Я чувствовал себя гораздо лучше прежнего. Куда лучше, нежели того стоило ожидать.

И вновь колыхнулась одна из теней, мне приподняли голову и поднесли ко рту кружку.

– Пей!

Я послушался, и глоток заполнил рот горечью травяного настоя. Напиток провалился вниз теплой волной, позволил немного расслабиться и отогнать уже подступивший к горлу кашель.

Напоив, целительница позволила мне опуститься обратно на подушку и отошла, враз растворившись в тенях; в темноте она ориентировалась словно сова. Я же почти ничего не видел, только различал слегка светившийся край неплотно задернутой шторы.

Попробовал вдохнуть поглубже и попытался распознать наполнявшие помещение запахи. Травы, травы, травы. Плотный и даже душный аромат множества трав властвовал здесь безраздельно. Да еще – запах болезни и вонь нечистот. Но это уже от меня.

Второй вдох разжег в груди огонь, меж лопаток заворочалась болезненная ломота. Меня скрутил приступ хриплого кашля; показалось, будто еще немного и выхаркаю собственные легкие, но рядом тут же возник женский силуэт. На этот раз я беспрекословно осушил блюдечко молока и в изнеможении распластался на тюфяке.

Спать! Ничего иного мне сейчас попросту не оставалось...

День. Свет. Слабость.

На этот раз в комнате оказалось непривычно светло; солнечные лучи проникали через забранные слюдяными пластинами окна. Я с трудом оторвал голову от подушки и огляделся. Первое, что бросилось в глаза, – это висевшие на стенах пучки сушеных трав. Меж них хватало матерчатых мешочков, и весь этот, выражаясь ученым языком, гербарий наполнял помещение сонмом невообразимых ароматов и запахов.

А еще – окованные железом сундуки, монументальная печь с полатями, стол с кухонной утварью и полки, сплошь заставленные стеклянными бутылками и банками, глиняными кувшинчиками и горшочками, деревянными бочоночками. Больше всего хижина походила на обиталище знахарки. Да и куда бы еще приволокли раненого, если не к целительнице?

Я попытался перевернуться на бок и сползти с тюфяка, но в груди немедленно разгорелось жгучее пламя и легкие начал рвать невыносимый кашель. Пришлось повалиться обратно и замереть в ожидании, когда наконец минует приступ.

Скрипнула дверь, с улицы ворвались клубы морозного воздуха, закружились над полом, быстро развеялись. Хозяйка скинула длинную шубу, посмотрела на меня, осуждающе покачала головой и принялась разуваться. Затем наполнила из стоявшей на столе кастрюльки глиняную кружку, подошла и дала напиток. Кашель отступил, и я с облегчением перевел дух.

Целительница оказалась совсем молодой еще девчонкой с волосами, отливавшими тусклым серебром, и льдисто-серыми, едва ли не бесцветными глазами. Невысокая, бледная и

худенькая, в простом невзрачном платье. А вот лицо выглядело очень живым и выразительным, правда, сейчас его сковало непонятное напряжение. Узкая ладошка с длинными тонкими пальцами вытерла выступивший у меня на лбу пот; я собрался с силами и прохрипел:

– Где я?

Маска напряженного отчуждения треснула, в уголках девичьих глаз залегли смешливые морщинки.

– Здесь. Ты – здесь. Лежишь на тюфяке в моем доме.

Я был не в настроении шутить, каждое слово рвало легкие болью, разжигало в груди огонь, разливалось меж лопаток мерзкой ломотой. Ангелы небесные! Да что со мной такое?!

Несколько неглубоких вдохов помогли собраться с мыслями, и я продолжил расспросы:

– Кто ты?

Девушка задумалась и ответила далеко не сразу.

– Знахарка, – в итоге сказала она, а после явственной паузы добавила: – Меня зовут Марта.

Говорила знахарка на североимперском наречии чисто, но как-то слишком неуверенно, словно сначала фразы строились на каком-то другом языке. Ей определенно не хватало практики.

– Филипп, – представился я и сглотнул, пытаясь избавиться от неприятной щекотки в горле, предвестницы сухого и злого кашля. – Как я сюда попал, фрейлейн Марта?

Из голубовато-серых глаз с необычайно крупными зрачками враз пропало всякое веселье. Марта поправила шерстяное одеяло и, глядя куда-то в сторону, произнесла:

– Я возвращалась из города, когда наткнулась на тебя. Ты истекал кровью. Замерзал.

Девичье лицо помрачнело, вспоминать о случившемся знахарке точно не хотелось. И я не мог ее за это осуждать. Все же не каждый день натыкаешься ночью на раненого незнакомца.

Важно было совсем другое: она не оставила меня умирать. Не бросила, хоть и могла, а выходила. Это дорогого стоило.

– Моя рана... – просипел я, тщетно пытаясь перебороть кашель. – Она...

– Зажила, – уверила меня Марта. – Но на ее лечение ушли все мои силы, а ты слишком ослаб и замерз, началась лихоманка и грудная холодянка. Летом я бы не допустила такого, а сейчас лес спит. Придется полагаться на отвары.

Названия болезней ни о чем не говорили, и оставалось лишь надеяться, что они не прикончат меня, как едва не прикончил загнанный в спину нож. А раны в пояснице я и в самом деле больше не ощущал, словно и не пропарывало плоть стальное острие.

– Лес спит? Тебе не хватает трав? – выдавил я из себя и стиснул зубы, из последних сил удерживая в себе кашель.

Марта странно глянула на меня, затем подтвердила:

– Именно так, – но подтвердила с едва скрываемой усмешкой, будто говорила с неразумным ребенком.

Не в силах больше сдерживаться, я принялся выкашливать собственные легкие, тогда знахарка отошла к столу. Вскоре она вернулась с теплым молоком, молча и решительно влила его мне в рот. Не подавился лишь чудом.

– Спи! – приказала Марта. – Тебе надо больше спать!

Я кое-как отдышался и спросил:

– Долго я здесь?

– Не слишком.

– А точнее? Какой сегодня день?

Думал, ответа уже не дождусь, но сквозь подступающую дремоту все же расслышал:

– Вчера начался стужень.

Миг я силился понять ответ знахарки, потом коротко выдохнул:

– Ангелы небесные!
Стужень! Народное название двенадцатого месяца!
Я провалялся в бреду без малого три седмицы!

2

На следующий день меня напоили куриным бульоном, наваристым и прозрачным. Изменение в рационе донельзя порадовало, иначе желудок рисковал окончательно присохнуть к позвоночнику. Отощал ужасно.

Запив бульон травяным настоем, я выпростал из-под одеяла правую руку и посмотрел на едва ли не полупрозрачную кисть. Опустил ее, потряс, и перстень легко соскользнул с пальца, со звоном покатился по полу.

Марта подошла и, не говоря ни слова, убрала серебряную, с золотой накладкой университетского герба печатку на одну из полок.

– Я заплачу за лечение, фрейлейн, – пообещал я.

Та глянула на меня, и в льдисто-серых глазищах мелькнула несомненное веселье.

– Заплатишь, – кивнула знахарка так, будто иначе и быть не могло, обулась, облачилась в шубу и вышла за дверь. Насколько удалось заметить, снега там намело почти по колено.

Стоило бы подняться и хоть немного размяться, но по здоровом размышлении я делать этого не стал. Пусть самочувствие и улучшилось, а приступы кашля сегодня почти не донимали, до полного выздоровления все же было еще далеко. Меня лихорадило, тело ломило.

Холодянка и лихоманка? Знать бы еще, что это за напасти...

Я попытался обратиться к незримой стихии, но нисколько в этом не преуспел, лишь закружилась голова. Для работы с эфиром следовало хоть немного окрепнуть.

Солнце начало клониться к закату, слюдяные окошки налились оранжевым сиянием, понемногу стали сгущаться тени. Со скрипом распахнулась дверь; Марта закатила внутрь заиндевевшую кадку, выставила ее у печи, вышла и вернулась с парой деревянных ведер. Вывалила заполнявший их снег в бадью и вновь скрылась на улице.

Я перевалился на бок, откашлялся и принялся с интересом следить за действиями девчонки. После кадки знахарка наполнила снегом котел и поместила его в печь, а некоторое время спустя слила кипяток в бадью и начала перемешивать его палкой. Затем рукой оценила температуру воды и поставила растапливаться очередную порцию снега.

Вскоре над кадкой за клубился пар, воздух в доме смягчился, запах трав усилился пуще прежнего. В отдельной кастрюльке Марта заварила какие-то ягоды, еловые иглы, листья и корешки, вылила пахучий настой в бадью, и по комнате разошелся густой аромат хвои. После этого знахарка оценивающе взглянула на меня и принялась закатывать рукава платья.

Я спокойно выдержал взгляд льдистых глаз, про себя гадая, сколько же лет моей хозяйке. Ей с равным успехом могло оказаться и пятнадцать, и двадцать – едва ли больше и никак не меньше, – а вот точнее определить возраст не получалось. Лицо отличалось правильными чертами и показалось бы даже красивым, если б не его предельная худоба. Из-за этого линия подбородка выглядела излишне жесткой, а губы – слишком тонкими, ситуацию лишь отчасти скрашивали высокие точеные скулы. И глаза. Лыдинки голубовато-серых глаз смотрели из-под светлых, практически белых волос на редкость пронзительно и строго. Слишком уж взросло.

– Сможешь встать? – спросила Марта, приблизившись.

Я хрипло закашлялся, отдышался и приподнялся, давая сползти с плеч одеялу.

– Смогу.

Ни ночной сорочки, ни исподнего на мне не было, но трудно придумать вещь более глупую, нежели стесняться человека, который обихаживал тебя в беспомощном состоянии, обти-

рал и делал невесть что еще. Я начал подниматься и сразу покачнулся, тогда Марта придержала, помогла устоять на ногах.

Девичьи запястья были тонкими, а руки будто пруттики, но хрупкость оказалась мнимой – знахарка без всякого труда довела меня до бадьи и помогла усестся внутрь. Я поместился в кадке, из воды остались торчать лишь торс и колени.

Хорошо!

Марта вручила мне кусок мыла и жесткую мочалку, а сама выволокла на улицу тюфяк. Вскоре девчонка вернулась с грязным покрывалом, кинула его у порога и потребовала:

– Мойся! Вода остывает.

Я не без сожаления сбросил оцепенение, стал намыливать плечи и спросил:

– Мы ведь не в городе? Далеко до него?

На эту мысль натолкнула тишина. Она не была абсолютной, время от времени где-то поблизости кричал петух, а если прислушаться, получалось разобрать козье бляенье, но в остальном никаких привычных уху звуков не раздавалось. Ни криков лоточников и колокольного звона, ни лошадиного ржания и стука копыт по мостовой.

– До города? – Марта испытующе посмотрела на меня и пожала плечами. – Часа полтора на повозке ехать. Через лес.

Девчонка принялась готовить для меня новый тюфяк, а я завел руку за спину и попытался нащупать рану на пояснице, но от той не осталось и следа. Даже рубца не смог нащарить, будто удар ножом всего лишь привиделся.

Закончив с тюфяком, знахарка сунула мне полотенце; я кое-как обтерся и вернулся на свое место уже без посторонней помощи, словно помывка неким чудесным образом придала сил. Даже кашель на время перестал беспокоить.

Закутавшись в одеяло, я почувствовал себя заново родившимся и, к немалому своему удивлению, ощутил голод. Марта принесла миску бульона, где на этот раз обнаружилось немного лапши и две половинки вареного яйца, а в завершение трапезы вручила мне кружку подслащенного медом травяного настоя.

За окном окончательно стусились сумерки, в комнате стемнело, но ни лучин, ни свечей Марта зажигать не стала. Послышался шорох платья, мелькнуло в полутьме что-то белое, легонько плеснула в бадье вода.

Я не стал подглядывать и закрыл глаза. Хотелось спать, да и в любом случае было слишком темно...

На следующее утро разбудило пение. Негромкое и приятное, оно вырвало меня из дремоты, заставило встрепенуться, продрать глаза и оглядеться по сторонам.

Пела Марта. Она сидела у окна, напевала что-то негромко и штопала дыру на пропоротом ударе ножа плаще. Выстиранное и починенное белье, рубаха и штаны уже лежали рядом с тюфяком.

– Разбудила? – огорчилась девчонка, заметив мое движение.

– Вовсе нет, – уверил я ее.

Голос знахарки был весьма мелодичным, ее пение и в самом деле несколько не мешало. Но Марта замолчала, лишь продолжила что-то едва слышно мурлыкать себе под нос.

Я натянул исподнее, затем уселся на тюфяке и выгнулся, разглядывая поясницу. Удар ножом не был наваждением: на коже белел шрам, очертаниями отдаленно напоминавший запястью. След смещался вниз и в сторону, как если бы я сам расширил рану, разворачиваясь к убийце. Именно к убийце! По всему выходило, что нож проткнул почку, ранение, вне всякого сомнения, было смертельным.

Святые небеса! Не наткнись на меня знахарка, давно отпели бы и закопали в мерзлую землю! Немудрено, что нападавший не стал тратить время на то, чтобы добить. Дело было сделано одним-единственным ударом. Но кто и за что?

И как умудрилась знахарка поставить меня на ноги? Никакие целебные травы не смогли бы заживить рану столь быстро. Три седмицы для подобного ранения не срок.

Я хотел было справиться о своем необъяснимом исцелении, но вновь начался приступ кашля. На этот раз – не сухого и рвущего болью легкие, а влажного, рот наполнился мокротой. И что делать? Не плевать же на пол?

Я начал перебирать одежду в поисках носового платка; Марта поняла мои затруднения и подсказала:

– У двери.

Прошлепав босыми ступнями по холодным доскам, я заглянул в небольшой закуток и обнаружил там наполненное свежим снегом ведро. Сплюнул в него мокроту, затем использовал по прямому назначению, помочившись. Поясницу со стороны проткнутой почки неприятно кольнуло, закружилась голова.

Я оперся на стену и немного постоял так, после вернулся на тюфяк. Прогулка в пару десятков шагов оставила без сил, но удивляться этому не стоило – отошал просто жутко. В нынешнем состоянии меня легко возьмут экспонатом в любой анатомический музей.

Рядом со сложенной аккуратной стопкой одеждой обнаружился подсумок с книгой о ментальном доминировании, туда же моя хозяйка убрала кошель. Я распустил тесемки и сказал:

– Сколько с меня за лечение?

Марта лишь фыркнула.

– Куда-то собрался, колдун?

Колдун? Ах да! Она же видела перстень...

Я кинул кошель на тюфяк, натянул через голову рубаху и сообщил:

– Пойду в город.

Девчонка скривила гримасу нарочитого удивления.

– Пешком? Не пройдешь и половины пути! Замерзнешь в лесу!

Я припомнил, какого труда стоило дойти до входной двери, и поморщился. Но отказаться от своей затеи и не подумал. И без того слишком много времени потеряно впустую.

– Никто не возьмется меня довезти? Я хорошо заплачу!

– Кто?! – фыркнула знахарка. – Здесь кругом только медведи да волки!

Я захлопал глазами в неприкрытом изумлении.

– Так это не хутор? Ты что же, живешь посреди леса совсем одна?

– А где еще жить ведьме, скажи на милость?

Ответ знахарки вверг меня в ступор. Ведьма? Она – ведьма?!

Зачесалась поясница, я непроизвольно потерял то место, где была рана, и неуверенно улыбнулся.

– Ты ведь шутишь, да?

Марта ничего не ответила, отложила шитье и отошла к печи, выудила хвостом чугунный горшок и позвала меня за стол.

– Иди завтракать. А то смотреть больно, одни кожа и кости. А нам, лесным ведьмам, нравятся упитанные. В них мяса больше.

Я подумал-подумал и отказываться от приглашения не стал. Не на убой же меня, в самом деле, откармливают. В этом случае лечить попросту не требовалось – бери и разделявай, отрежь лучшие куски. Уже даже кровь спустили.

При этой мысли меня передернуло.

Завтракали пшеничной кашей с топленым маслом, белым хлебом и залитыми медом лесными орехами на десерт. Не обошлось и без травяного настоя, а вот теплым молоком хозяйка меня потчевать уже не стала.

Хоть я и был голоден как волк, есть старался без спешки, настороженно прислушиваясь к желудку, но организм принял пищу без неожиданностей и никаких неприятных сюрпризов не преподнес. Под конец трапезы я вновь завел разговор об оплате лечения.

– Сколько с меня, фрейлейн?

– Потом! – беспечно отмахнулась Марта и стала убирать со стола грязную посуду.

Я поднялся на ноги и неожиданно обнаружил, что ростом девчонка уступает мне от силы на половину головы, а впечатлению хрупкой малышки обязана исключительно худобе и очень бледной коже. Она словно состояла из сплошных углов, и даже белые волосы торчали во все стороны неровно подстриженными прядями.

Не приходилось удивляться тому, что горожане полагали ее ведьмой. Но настоящая ведьма... Нет, не может быть!

Решив убедиться наверняка, я воспользоваться истинным зрением, и Марта резко обернулась, будто мой взгляд уколол ее в спину. Льдисто-серые глаза гневно сверкнули.

– В могилу себя свести решил, колдун? – возмутилась она.

Я ничего не ответил. Просто не смог. Меня скрутил жесткий кашель, комната закружилась перед глазами, пол заходил ходуном. Я кое-как доковылял до ведра и долго отхаркивал мокроту. Потом улегся на тюфяк и нисколько не удивился, когда знахарка принесла горячего молока с медом и невесть чем еще.

Без пререканий осушив глубокое блюдо, я какое-то время смотрел на качающийся потолок и сам не заметил, как уснул.

3

Очнулся я от вязкой липкой дремоты уже под вечер, когда за окном стемнело и хозяйка запалила лучины. Поначалу вслушивался в негромкое пение, затем сказал:

– Завтра пойду в город.

Дневной сон прогнал усталость; я почувствовал себя бодрым и полным сил.

Марта в ответ на мои слова лишь рассмеялась.

– Завтра будет буран, – сообщила она, будто знала погоду наперед.

– С чего ты это взяла?

– Ты говоришь с ведьмой, забыл? – В глазах льдисто-серого оттенка весело сверкнул отблеск горящей лучины.

Я воздержался от расспросов, не желая лезть в чужую жизнь. Завтра я уйду из этого дома и не вернусь сюда никогда, надо только расплатиться за лечение и собрать вещи. С этого и решил начать.

– Это все, что было со мной, фрейлейн Марта? – спросил я, указав на стопку одежды и подсумок.

– Меч и кинжал – на полке у двери, – подсказала знахарка, взяла ухват и вытащила из печи горшок. Пахло варево весьма аппетитно.

Я слотнул слюну и непроизвольно покрутил левым запястьем. Не ощутил привычной тяжести и забеспокоился:

– А четки? Янтарные четки с символом веры? Не видела их?

Марта пожала худыми плечами.

– Должно быть, слетели по дороге. Было темно, я не заметила. Дорогие?

– Семейная реликвия.

– Мне жаль.

– Брось! – махнул я рукой. – Ты спасла мне жизнь! Это бесценно!

– Что бесценно, то ничего не стоит, – печально улыбнулась знахарка, вдруг показавшись старше своих лет, задумчиво потерла переносицу и указала на подсумок. – А там ты смотрел? Кажется, я убираю какие-то бусы...

Бусы?! Я принялся рыться в подсумке и – о чудо! – на самом дне отыскал заветные четки с одним оплавленным янтарным зерном и золотой семиконечной звездой с извилистыми лучами.

– Да! Вот они!

Марта улыбнулась и позвала:

– Иди ужинать, колдун.

По имени она ко мне упорно не обращалась.

Колдун и ведьма? Ну-ну...

Утро выдалось ясным. Сняв толстенный брус, я приоткрыл дверь, вдохнул морозный воздух и сразу закашлялся. Было свежо; солнце бесцветным пятном горело на безоблачном небе, на снегу сияли ослепительные искорки, не виднелось ни облачка.

Идти через заснеженный лес несколько не хотелось, но, если не отправлюсь в путь прямо сейчас, снегопады заметут перевалы Тарских гор и в Сваами попаду только с приходом тепла. А это неприемлемо! Я кровь из носу должен сохранить расположение епископа Вима. Его преосвященство имеет все шансы войти в круг курфюрстов, а заступничество столь влиятельной персоны заставит спасовать даже Гепарда. Вице-канцлер уже понизил меня до магистра-надзирающего; кто знает, что придет в голову злопамятному гаду в следующий раз? А если он, не приведи небеса, возглавит Вселенскую комиссию, тогда и вовсе в порошок сотрет. Без высоких покровителей придется лихо.

К тому же не терпелось ознакомиться с трудом «Размышления о нереальности нереального». Возможно, на страницах этой книги скрывался ответ на вопрос, что именно разожгло в душе профессора Костеля опрометчивое стремление обуздать одного из князей запределья. Я питал надежду, что еретический труд поможет вникнуть в суть его замысла, ведь всех тайн самоуверенный глупец не раскрыл ни одному из своих учеников. Основная канва злополучного действия не составляла секрета, но детали ритуала Роберт Костель не разглашал никому и держал их в голове, не доверяя ни школярам, ни бумаге. Магистры Вселенской комиссии перевернули его квартиру вверх дном, но так и не отыскали ни дневника, ни каких-либо черновых записей и расчетов.

Долг и любопытство влекли на север, да и не дожидаться же в этой глуши прихода весны! Так и рехнуться недолго!

– Иди завтракать, колдун! – позвала меня знахарка.

Смолотив четыре сваренных вкрутую куриных яйца и пару бутербродов, я напился травяного настоя и развязал кошель. Высыпал на стол монеты, разделил ладонью на две неравные части, меньшую вернул обратно. Помимо серебра у меня оставались еще два золотых, голодать не придется.

– Возьми. Это плата за лечение, – сказал я знахарке.

Фрейлейн Марта изогнула бровь и спросила:

– Куда-то собрался?

Я натянул свитер, взял стеганую куртку и спросил:

– Покажешь дорогу в город?

Голубовато-серые глазищи заискрились неподдельным весельем.

– Покажу, – улыбнулась знахарка и протянула мне вязаный шарф. – Возьми, горло простудишь.

– А как же ты? – заколебался я.

– Пустяки, – отмахнулась девчонка. – Вернешься – отдашь.

– Я не собираюсь возвращаться.

– Тогда оставишь себе, – легкомысленно пожала плечами Марта, обулась и принялась застегивать крючки длинной шубы. Мне так и не удалось понять, шутит она или говорит всерьез.

Я замотал шею шарфом, надел плащ, шапку и взял подсумок.

– Меч не забудь, колдун, – напомнила девчонка. – И кольцо.

И точно – печать лицензиата тайных искусств так и лежала на полке. Опасаясь, как бы перстень не слетел с похудевшего пальца, я сунул его в мешочек к остальным кольцам, натянул варежки и подпоясался оружейным ремнем.

Фрейлейн Марта оценивающе посмотрела на меня и покачала головой, но ничего говорить не стала, распахнула дверь и первой вышла в огороженный высоким частоколом двор. Сбоку к дому приткнулась пристройка, где содержалась живность. С другой стороны стоял сарай, дальше из снега торчала жердь колодезного журавля.

И кругом – лес. Высоченные ели вставали настоящей зеленой стеной; дом оказался выстроен на небольшой прогалине.

– Идем! – позвала меня знахарка.

Ворота замело, со двора мы вышли через калитку. За голенища сапог посыпался снег, стало сыро и холодно. Идти куда-либо незамедлительно расхотелось, но я не повернул назад, не сбежал в уют теплого дома и решительно потопал дальше.

Под соснами снега оказалось немногим меньше; фрейлейн Марта довела меня до поляны с кряжистым дубом и указала на облетевшее дерево.

– Запомни его, колдун. Заблудишься – всегда сможешь вернуться. Оглянись – отсюда виден дом.

Я вежливо улыбнулся и спросил:

– И куда мне теперь?

– Туда, – указала знахарка на прогалину между деревьями. – Держи солнце за правым плечом. Через полчаса начнется овраг, иди вдоль него до камышей. Напрямик через болото не суйся, забирай к деревьям. К этому времени уже увидишь черную скалу, равняйся на нее, но на сам холм подниматься нет нужды, обогни по склону.

– А дальше?

– А дальше будет дорога. Тебе направо, – сообщила девчонка и невесть чему загадочно улыбнулась. – Удачи, колдун! – помахала она на прощанье, развернулась и зашагала к дому.

Я глянул вслед знахарке и неожиданно для себя крикнул:

– И никакого бурана, как видишь!

Фрейлейн Марта лишь покачала головой, даже не обернулась. И я остался один в зимнем лесу. Ощущение было... неприятным.

Некоторое время я озирался по сторонам, затем непонятно для чего потянул носом воздух и обратил внимание на снег, пестревший заячьими и птичьими следами. Волчьих видно не было, что, впрочем, еще ни о чем не говорило.

Святые небеса!

Я коротко помолился, поцеловал звезду на четках и двинулся в путь. Солнце за правым плечом, кругом высоченные сосны и разлапистые ели, да еще тут и там торчат голые ветви кустов и сухой бурьян. И снег, снег, снег...

Очень скоро я начал со все большим трудом выдирать из глубоких сугробов сапоги и был вынужден замедлить шаг. Ну да ничего – на пару часов моих сил точно хватит, главное – в лесу не заплутать.

В чащобу солнце толком не заглядывало, приходилось ориентироваться на тени деревьев. Те перекрещивались и путались, время от времени я оборачивал и посматривал через

плечо. Заодно прислушивался к шорохам и скрипам зимнего леса. Крупное зверье на глаза не попадалось, лишь изредка мелькали меж ветвей птицы, да еще где-то неподалеку выстукивал задорную дробь дятел.

Вскоре деревья расступились, и я вышел на небольшую поляну, поискал взглядом камыши, а вместо них углядел приметный дуб. Тот показался злобным сутулым великаном, сгорбившимся под гнетом выросших на нем снежных шапок.

Ангелы небесные! Меня угораздило сделать круг и вернуться к дому ведьмы! В сердцах выругавшись, я развернулся и вломился в лес, дав себе зарок на этот раз следить за положением солнца на небосводе куда внимательней, нежели прежде. Это оказалось не так-то просто. Ноги беспрестанно проваливались в рыхлый наст, за голенища набился снег, дыхание вырывалось облачками пара, под носом и на шарфе намерзли настоящие сосульки. Да еще, ко всему прочему, вернулся кашель, разнылось проткнутое Угрем бедро, начало неприятно покалывать поясницу.

Выбиваясь из сил, я упорно шагал меж деревьев и при этом не забывал оценивающе поглядывать на небо. Солнце – за правым плечом, пусть и затянутое пеленой серых облаков, но там, где ему и полагается быть. Это хорошо.

Замечательно просто, чего никак нельзя сказать о возникшем неведь откуда дубе! Проклятье! Я опять заблудился и вернулся на эту клятую поляну! Да что тут творится?!

Усилием воли я подавил вспышку бешенства и прислушался к собственным ощущениям. Блуждания по лесу порядком вымотали, а ноги промокли и замерзли, но это не смогло удержать меня от третьей попытки отыскать дорогу.

На этот раз я решил действовать наверняка, закрыл глаза и какое-то время стоял, растворяясь в атмосфере зимнего леса. Памятуя о недавней неудаче, рывком погружать себя в транс не рискнул и стал медитировать, соприкасаясь сознанием с незримой стихией медленно и неторопливо. Сработало! Мир дрогнул и раздвоился, реальность окрасили неведомые простецам оттенки, тени стали прозрачней, сделалось видимым медленное движение эфирных полей.

Да! Теперь не заплутаю!

С тревогой глянув на расплывшуюся по небу пелену облаков, я срезал кинжалом прочную палку и захромал прочь, тяжело наваливаясь на импровизированный посох. Раненая нога ныла и подгибалась, легкие рвал кашель, в ушах премемерзко звенело. Понемногу начинала кружиться голова, и я брел, брел и брел, уже нисколько не заботясь о положении солнца на небосклоне. Сейчас это не имело ровным счетом никакого значения: я сохранял общность с незримой стихией и отслеживал свой путь по взбаламученному эфиру. Чувства обострились до предела; были прекрасно слышны шорох снежинок, скрип сосновых стволов, гул ветра. Да еще откуда-то издали донесся волчий вой. Не страшно! Теперь я не начну петлять, теперь выйду точно к дороге...

Но вышел я в итоге на всю ту же опостылевшую поляну. Дуб устоял на меня с нескрываемой усмешкой, трещины на его серой коре кривились в злобных ухмылках. Невозможно!

Я едва не вылетел из транса, но вовремя успокоил дыхание и пробежался мысленным взором по расчертившему незримую стихию следу. Неведомым образом он оказался закольцован. Как так?! Я ведь никуда не сворачивал! Что за шутки?!

Почудился чей-то равнодушный взгляд, и не взгляд даже, а просто *внимание*, и по спине побежали мурашки. Лес! Это все клятый лес! Это он водит меня по кругу!

Усилием воли я прогнал суеверный страх, недостойный образованного человека, тяжело вздохнул и, едва переставляя ноги, заковылял к дому ведьмы. На поиски дороги не осталось ни времени, ни сил. Начинался буран.

– А ты упорный, колдун, – поприветствовала меня фрейлейн Марта, стоило переступить через порог. – Садись за стол. Только дверь запереть не забудь.

Я стянул шапку и плащ, растер покрасневшие щеки и спросил:

– Откуда знала? Ты ведь наперед знала, что вернусь? Откуда?!

– Я ведьма, забыл? – холодно улыбнулась знахарка, разливая по тарелкам наваристую похлебку. Оставленные монеты так и лежали на краю стола.

– Это не ответ! – возразил я, снял сапоги, избавился от промокших чулок и принялся негнушимися пальцами расстегивать куртку.

Девчонка глянула на меня с нескрываемой усмешкой и пожала костлявыми плечами.

– Лес спит. Хранители не любят, когда его беспокоят, а они мастера запутывать дорогу и водить кругами.

Я нахмурился.

– Хранители?

– Духи леса, – спокойно сказала знахарка и улыбнулась. – Только не спрашивай, откуда я знаю...

Спрашивать я ни о чем не стал, заложил брусом входную дверь и уселся за стол.

– Сможешь вывести меня отсюда?

Марта покачала головой.

– Лес спит, духи меня не послушают. Только не зимой. – Она протянула ложку искомандовала: – Ешь! Тебе надо согреться!

С этим было не поспорить – озяб просто ужасно. Я с несказанным наслаждением похлебывал горячего, и нос моментально наполнился соплями. Сходил к ведру высморкаться, вернулся за стол, и хозяйка тут же сунула кружку травяного настоя.

– Пей! Еще не хватало, чтобы холодянка вернулась. Второй раз на ноги тебя могу и не поставить!

– Благодарю, – пробормотал я, делая осторожный глоток.

– И деньги заberi. Потом сочтемся.

Я кивнул и неловкими пальцами принялся собирать со стола монеты.

На улице все сильнее гудела выюга, она шуршала по крыше снежинками и билась в закрывавшие окна ставни. Дом легонько подрагивал, и оставалось лишь радоваться, что разум возобладал над упрямством и я не стал продолжать бесцельные блуждания по лесу. А то бы замело...

Глава 2

1

Мело двое суток подряд. Метель не ослабевала ни днем, ни ночью, ветер выл и стenal, рвал крышу, сек стены холодным крошевом снежинок. Я сидел в тепле и медленно сходил с ума. Знахарка готовила еду, чинила одежду, разбирала запасы сушеных трав и ягод, заботилась о живности, а мне за все это время лишь выпало несколько раз сходить в дровяник да вынести на помойку ведро.

И чем дальше, тем яснее накатывало понимание: если застряну здесь до весны, то неминуемо свихнусь. Пробовал читать труд о ментальном доминировании, но из-за тусклого света моментально разболелась голова и принялись слезиться глаза. Зверем в клетке – вот кем я себя ощущал. Диким зверем в клетке.

Дабы хоть как-то развеяться, я обошел весь дом, разве что не забрался на чердак и не спустился в подпол. Осмотрел травы и сушеные ягоды, заглянул во все шкафы с горшочками, оценил добротную мебель. Та была сколочена из потемневших от времени досок, ей явно пользовалась не один десяток лет. Да и сам дом выстроили задолго до появления на свет моей спасительницы.

Когда совсем припекла скука, я несколько раз отжался от пола, с трудом подтянулся на балке и даже слегка проработал пресс. Фрейлейн Марта смотрела с усмешкой, но никак мои упражнения не комментировала. Я был ей за это благодарен.

Ангелы небесные! Почему только знахарка не оставила меня в городе? Зачем привезла к себе? Впрочем, во мне говорило раздражение, а никак не здравый смысл. Стоило кланяться девчонке в пояс, что она не проехала мимо, а озаботилась взять с собой и выходить. Кто бы занимался мной в городе? Да и убийца не упустил бы возможности завершить начатое ударом в спину.

Меня передернуло.

Когда к вечеру второго дня гул ветра пошел на убыль, я сходил в сарай за дровами и не преминул заметить:

– Буран стихает.

Знахарка прищурилась.

– Так не терпится повторить попытку?

Я кивнул, не видя смысла лукавить и таиться. Тогда фрейлейн Марта отложила куклу, которую плела из разноцветных нитей, и поинтересовалась:

– И если получится, что тогда? Донесешь обо мне книжникам?

Книжникам? Употребление этого слова в столь архаичном значении неприятно резануло слух. Имперские книжники во времена оные выискивали знающих людей и приносили их в жертву своему ненасытному солнечному божеству. Некоторые сумасброды полагали Вселенскую комиссию наследниками тех кровожадных фанатиков, но правда заключалась в том, что мы никого и никогда не тащили на костер. И даже топили в проточной воде отступников далеко не столь часто, как об этом болтали досужие сплетники.

– Следовало бы, – вздохнул я, – но нет, не донесу. Я перед тобой в долгу.

– Следовало бы? – Девчонку подбросило, словно в тощий зад шилом кольнули. – Тебе так хочется увидеть, как меня топят в пруду?

– Наоборот, – покачал я головой. – Мне очень не хочется, чтобы с тобой случилось что-нибудь подобное. Поэтому чем раньше ты получишь лицензию, тем лучше. Необученный кол-

дун опасен и для окружающих, и для себя самого. И потом: что значит – донесу? Местные ведь знают о тебе, так?

Марта неопределенно покачала головой и задумчиво намотала на палец локон серебристых волос.

– Для всех я простая травница. Бабка запрещала рассказывать о силе. Ты первый, кому я открылась.

– О! И почему же?

– Да ты и сам бы понял. Ты колдун.

Я почувствовал себя неловко, но сразу переборол смущение и попросил:

– Встань, пожалуйста.

Фрейлейн Марта насторожилась.

– Зачем еще?

– Хочу оценить твоё эфирное тело. Вдруг ты никакая не ведьма.

– А твоя рана?

– Чудеса случаются, – усмехнулся я. – Ну?

Девчонка отложила рукоделие и вышла на середину комнаты, неведь чему смутилась и принялась тереть пояс платья. Бледные щеки разругались, на шее отчаянно забились жилки.

– Стой спокойно, – потребовал я, закрыл глаза и задышал размеренно и ровно, неторопливо и без всякой спешки вгоняя себя в транс. Медленно, очень медленно и плавно, но и так почти сразу что-то липкое и теплое потекло по верхней губе.

Что-то? Да кровь это. Кровь. Вчерашние блуждания по лесу даром для меня не прошли.

– У тебя... – встревожилась Марта, и я вскинул руку, призывая ее к молчанию.

Поначалу окружающая действительность проступила через зажмуренные веки полупрозрачными силуэтами, затем налилась неведомыми цветами, а под конец обрела материальность истинной реальности.

Аура знахарки оказалась необычайно яркой, и одновременно она выглядела болезненно истонченной. Призрачное сияние слепило, мешая различить детали, но местами виднелись лакуны, а по краям будто бы тянулась истрепанная бахрама.

Я этому обстоятельству ничуть не удивился. Деревенские ведьмы редко умеют правильно расходовать магическую энергию и либо погибают от истощения эфирного тела, либо начинают тянуть жизненные силы из окружающих. И тоже погибают, но уже сброшенные с моста с камнем на шею. Первым делом всех адептов тайного искусства учат именно использованию внутренних сил – это основа основ любого обучения.

Усилием воли я вырвал себя из транса, зажал пальцами нос и отошел к рукомоюнику. Умылся, затем под звон в ушах доковылял до тюфяка, улегся и прикрыл глаза. Мне было нехорошо.

– И что? – с нетерпением спросила Марта. – Что ты увидел?

– Тебе надо учиться.

– А ты? Ты сможешь меня научить? Ты же колдун!

– Нет, – коротко ответил я.

Девчонка расстроено шмыгнула носом, но постаралась скрыть разочарование и переубедить меня не попыталась. Я этому только порадовался. Обучение в частном порядке неминуемо повлечет за собой самое серьезное взыскание, ведь придется иметь дело не только с коллегами, но и с церковными властями. Не говоря уже о том, что учитель несет полную ответственность за любые действия ученика. Я к такому готов не был. Как, впрочем, и не собирался задерживаться в лесу на срок, достаточный для преподавания Марте хотя бы азов тайного искусства.

Как только закончится выюга, я уйду. Как только кончится выюга...

2

Снег перестал валить ночью, к утру ветер окончательно стих и прояснилось небо. Я позавтракал, поблагодарил Марту за заботу, собрал вещи и вышел на улицу. Насупленная девчонка не сказала на прощанье ни слова. То ли обиделась за вчерашний отказ, то ли просто не верила, что у меня хватит решимости пробраться через заснеженный лес.

И напрасно – я был настроен серьезней некуда, и щипавший ноздри морозный воздух меня смутить не мог. Смутил меня снег. Его навалило по пояс, и был он весьма и весьма рыхлым. Я кое-как продрался через сугробы к поляне с уснувшим до весны дубом, чья грубая кора казалась морщинистой кожей, а сучковатые ветви наводили на мысли о жутких щупальцах. Там постоял немного, да и двинулся в обратный путь.

Святые небеса! Сейчас не помогут даже снегоступы! Нечего и думать о вылазке, пока ветер не наметет прочный наст, а зверье не проложит в лесу свои тропки.

Пока вернулся, взмок. Да еще начался кашель; всякий раз в груди словно взрывалась ручная бомба. Из носа текло, голову ломило, и оставалось лишь надеяться, что дело в банальной простуде, а вовсе не в холодянке, какую бы дрянь эта напасть собой ни представляла...

Марта столь поразила моему скорому возвращению, что даже позабыла об игре в молчанку.

– Так быстро? – округлила она в непритворном удивлении глаза.

– Как видишь, – не слишком вежливо проворчал я и расстегнул оружейный ремень.

– Не уйдешь сегодня?

– Нет, – покачал я головой после недолгих раздумий, – не уйду.

Знахарка тут же вручила мне широкую деревянную лопату и потребовала:

– Тогда отработывай постой, колдун.

Чувствовал я себя, откровенно говоря, погано, но не ударил в грязь лицом и отправился на улицу расчищать тропинки к дровяному сараю и пристройке с живностью. Провозился до полудня и вернулся, от усталости едва переставляя ноги.

Фрейлейн Марта уже накрывала на стол, но прислушалась к моему кашлю и принялась отмерять в заварочный чайник какие-то травы.

– Будто дите малое, – ворчала она себе под нос, заливая сбор кипятком. – Нет бы поберечься...

Я предпочел сделать вид, будто ничего не расслышал. Не чувствуя вкуса, вылебал суп и сжевал жесткий кусок вареной солонины, потом мелкими глотками выпил травяной настой и улегся на тюфяк. Меня начало лихорадить, прошиб горячий пот.

Подошла Марта, присела рядом и потянула подол своего не по росту короткого платья, целомудренно прикрывая костлявые коленки.

– Почему ты не можешь научить меня? Ты же колдун!

Я подавил обреченный вздох и произнес, постаравшись никак не выказать раздражения:

– Тайным искусствам учат в университетах. Там, и только там.

Знахарка поджала губы, и резкая линия подбородка стала еще жестче обычного, а скулы заострились.

– Не смеши меня, колдун! Как попасть в университет неграмотной простолюдинке без гроша за душой?! – зло спросила она.

– На факультет тайных искусств берут всех, нужен лишь талант, – отмахнулся я и тут же приподнялся на одном локте. – Постой, ты разве не умеешь читать?

– Откуда?

– Ну вот с этим я помочь могу.

О чернилах и писчей бумаге спрашивать и в голову не пришло; я велел принести разделочную доску и посыпать ее мукой. Пальцем нарисовал букву «А», назвал ее и велел повторить. Девчонка все схватывала на лету, и незаметно я увлекся, даже позабыл о кашле и текущих из носа ручьях.

Занимались мы грамотой, пока на улице окончательно не стемнело. Тогда знахарка закрыла ставни, напоила меня бульоном и отваром разных трав и велела ложиться спать. Сама в неровном свете лучин занялась домашними делами. Проваливаясь в сон, я слышал ее негромкую песенку.

Марта впитывала знания будто губка. Хоть осваивала она грамоту исключительно в перерывах между хлопотами по хозяйству, но за две седмицы выучилась вполне сносно читать. Мое самочувствие оставляло желать лучшего, и о походе в город пока не приходилось даже думать. Я лечил кашель горькими отварами лесных трав, обучал знахарку письменности и счету, а в свободное время штудировал труд об управлении чужим сознанием. Сочинение оказалось небезынтересным, и я почерпнул там для себя много нового, кое-что даже применил на практике.

Нет, оказывать воздействие на Марту даже не пытался, усилия сосредоточил на проработке своих ментальных щитов и блоков. А еще выставил несколько якорей, призванных сигнализировать о воздействии на сознание чужой воли. Защитить они не могли, скорее, служили эдакими узелками на память. Просто наметил несколько поступков, совершать которые я не намеревался ни при каких обстоятельствах, и несколько вещей, отказаться от которых позволить себе попросту не мог.

И были это вовсе не фундаментальные моральные базисы, а второстепенные моменты, призванные резануть своей неправильностью и дать понять: «Э-э-э, братец! Да ты не в своем уме!»

К примеру, стремление испить человеческой крови само по себе подтолкнет к мысли об одержимости некоей сверхъестественной сущностью. Тут даже сомневаться не придется. А вот если поставлю на первое место карьеру и позабуду о стремлении вырвать из заповедья душу несчастного братца, если слишком уж разоткровенничаюсь о вещах, которые лучше и не вспоминать вовсе, если решу принять мессианство, поучаствовать в заговоре против светлейшего государя или просто уйти в отшельники, – вот тогда будет самое время проверить, не покопался ли кто-нибудь в моей голове. Чернокнижники на подобные пакости большие мастера...

Когда за окнами темнело и глазам переставало хватать света, я откладывал трактат о ментальном воздействии и брался за плетение снегоступов из заранее заготовленных ивовых прутьев. Ошибки на то и нужны, чтобы на них учиться. Барахтаться по пояс в сугробах в мои планы больше не входило.

Спешить в любом случае было некуда. Бушевавший несколько дней буран наверняка замел все перевалы, и до весны на ту сторону Тарских гор теперь точно не перейти. Осознание этого прискорбного обстоятельства изрядно действовало на нервы, но поделать тут ничего было уже нельзя. Человек предполагает, а Вседержитель располагает. Все мы в руках Его.

Изредка я устраивал вылазки в лес, понемногу разведывал дорогу в город и оставлял путеводные зарубки на деревьях. Всякий раз Марта недовольно хмурилась, пока однажды не попросила остаться в доме.

– Скоро Йоль, – напомнила она. – В лесу небезопасно. Духи в эту пору злы и не терпят смертных.

– Не беспокойся, Марта, – беспечно улыбнулся я. – Что они сделают колдуну?

Девчонка шмыгнула носом и отвернулась, а я отправился на прогулку, отнюдь не испытывая уверенности, что поступаю правильно.

Йоль – последняя и самая длинная ночь в году. Ночь, когда по миру гуляют духи и позабытые божества. Просвещенному человеку не пристало верить в подобные рассказы, но некоторым существам нет никакого дела до того, верят в них или нет. Их не волнуют убеждения смертных, их заботят исключительно кровь и плоть, а еще – людские души. Последняя седмица года считалась временем темным и опасным даже в обжитых землях, что уж говорить об этом медвежьем углу?!

Нервно передернув плечами, я глянул на затянутое облаками небо и закрепил на сапогах снегоступы. Было пасмурно, солнце день ото дня всходило над горизонтом все ниже и ниже, оно недолго светило и почти сразу ныряло обратно за сосны, погружая мир в темно-серый полумрак. В подобное время рассказы о *прежних*, Дикой охоте, лесных духах, позабытых божках и неведомых демонах уже не воспринимались нелепыми байками. В такое время они пробирались буквально до печенок – пусть ты и патентованный колдун, чего только не повидавший на своем веку...

Скрепя сердце я вышел со двора и направился к давешней поляне. На открытом пространстве нанесенный ветром наст держал мой вес и не проламывался, а вот под деревьями снег был куда более рыхлым, идти там становилось заметно сложнее. Но углубляться в лес расхотелось вовсе не по этой причине.

Слишком уж сегодня было темно и тихо в чащобе. Гнетущая атмосфера давила буквально физически, да еще вдалеке почудился отблеск костра. И, показалось мне или нет, но огонь имел те невыразимые оттенки, для которых нет названий в словаре простецов. Несмотря на полнейшее безветрие, голые ветви дуба шевелились, по снегу от них тянулись противоестественно черные тени, а само дерево представилось вдруг могучим великаном, властвовавшим над всей округой.

Шорохи и мертвая тишина, обрывистые движения и полнейшая неподвижность. Этого мне хватило с лихвой. Волосы на затылке встали дыбом, а меж лопаток побежали колючие мурашки. Я попятился, затем развернулся и поспешил прочь. Над лесом разлетелось раскатистое воронье карканье, и я ускорил шаг, начал даже продираться напрямик через кусты, но вывалился из них не у дома Марты, а у зловещего дуба.

Ангелы небесные, да что за напасть?! Здесь же заблудиться ну никак невозможно!

Небо над поляной потемнело, налилось ночной чернотой, и на этом бархатном фоне полуприкрытым серебряным глазом засияла растущая луна. В лесу подул ветер, поднялась поземка, деревья закачались, а кусты будто сплелись ветвями, образуя непреодолимую преграду. И еще – волчий вой.

Я попятился от мрачного дуба и бросился наутек, едва не теряя с ног снегоступы. Сучья так и норовили пропороть лицо, еловые лапы пружинили и пытались задержать, летевший с них снег застилал глаза. Дом был совсем рядом, а я бежал, бежал и бежал. Бежал и выбивался из сил. А вой становился все громче, вой звучал все ближе. Стая нагоняла жертву.

И тогда на меня снизошло спокойствие. Я прижался спиной к сосновому стволу, потянул из ножен шпагу, но передумал и обнажил кинжал. Срезал с ближайшего куста ветвь, наскоро накидал острием на коре простенькую магическую формулу, оскалился.

В подлеске замелькали белые тени, словно мои преследователи были не животными из плоти и крови, а призрачными созданиями, обретавшими материальность лишь в преддверии Йоля. Глупые суеверия, но я искренне порадовался, что самая длинная ночь в году наступит не сегодня, а лишь через седмицу. Явись сюда господин этой своры, мне пришлось бы лихо, а так я размашистым движением волшебной палочки зачерпнул эфир и, крутанув кистью, разогрел его до немыслимых температур. И тут же подкинул в воздух над головой ослепительный огненный шар!

Тьма рассеялась, тени отступили, липкую тишину разорвал петушиный крик. Я обернулся и не поверил собственным глазам: окружавший дом знахарки частокол высился бук-

вально в двух шагах от меня. Вот и не верь после этого рассказам о проделках лесовика и заблудившихся в трех соснах кметах...

Левую кисть неприятно заломило, я развеял огненный шар и спешно юркнул за ограду. Больше в тот год я в лес не ходил.

Глава 3

1

На Йоль знахарка взялась испечь сладкий пирог. Встав еще до рассвета, она замесила тесто и выложила в миску мороженые ягоды, затем принялась наводить порядок, мыть пол и вытирать пыль. Я, по заведенной привычке, сел у окна с «Некоторыми аспектами ментального воздействия и долгосрочного управления разумом», но занятие отыскалось и для меня.

– Принеси бадью, – попросила Марта.

Я накинул куртку и вышел на улицу, где под навесом дожидалась своего часа перевернутая кверху дном лохань. Втащил ее в дом, установил у печи и принялся таскать со двора снег. Часть высыпал в бадью, часть поставил греться в котле.

– Почистишь двор? – предложила знахарка некоторое время спустя, смущенно теребя поясок платья.

Выходить на мороз не хотелось; с превеликим удовольствием я отделался бы обещанием не подглядывать и остался сидеть с книгой, но все же не стал вгонять хозяйку в краску. С обреченным вздохом взял лопату и отправился во двор, где вдоль частокола уже высились немалых размеров сугробы.

Подумать только! Лицензиат тайных искусств и магистр Вселенской комиссии по этике чистит двор, будто последний кмет! Узнает кто – стыда не оберешься!

Как бы то ни было, за ночь снега выпало совсем немного, управился я с ним в пять минут, а потом вооружился шпагой и устроил учебный бой с тенью. Уже начал отрабатывать удары на чурбаке, когда из дома вышла Марта.

– Иди мыться, колдун! – сказала она и скрылась в пристройке.

Мыться? Ну конечно! Как же можно встретить год семьсот семьдесят пятый от Воссияния пророка немытым? О-хо-хо...

Я наскоро сполоснулся и уже таскал на помойку грязную воду, когда вернулась знахарка. Она выложила обезглавленного и оципанного цыпленка на разделочную доску и принялась потрошить тушку. Узким кухонным ножом девчонка действовала на редкость умело – у меня бы так споро не вышло даже близко.

Невесть с чего заныла поясница, и я отпустил бадью на пол. Марта будто почувствовала взгляд и обернулась.

– Все хорошо?

– Спину прострелило.

Я с хрустом распрямился, уволок лохань под навес и вернулся в дом.

– Смотрю, сегодня будет пир?

Знахарка усмехнулась, тряхнула неровно обстриженными волосами, еще влажными и от того даже более серебристыми, нежели обычно, и попросила:

– Могу я почитать твою книгу?

Во вступительной части не содержалось ничего предосудительного, одни лишь общие рассуждения о природе человеческого разума, поэтому я кивнул.

– Конечно.

На обычно бесстрастном лице Марты расплылась счастливая улыбка.

– Здорово!

Я только вздохнул.

Праздник! Сегодня у нас праздник. Насквозь языческий день зимнего солнцеворота – мрачный и вместе с тем дарящий надежду на новую лучшую жизнь Йоль. Осталось только его

пережить. На душе было беспокойно. А как иначе? Йоль и полнолуние – сочетание, прямо скажем, зловещее.

И пусть пока что луна никак не проявляла себя, я точно знал, что вскоре ее серебряный круг выползет на небо и зальет мир своим призрачным сиянием. Прошрое полнолуние я благополучно провалялся в забытье, на этот раз так легко отделаться не выйдет. Впереди меня поджидали зеленые отсветы фонарей, серое марево запределья и гул призрачных ос. Ночь предстояла не из легких.

Дурные предчувствия обуяли не меня одного. Чем дальше, тем мрачнее становилась Марта. Украсив дом свежими еловыми ветками, она закрыла ставни, хоть до заката было еще далеко, заложила входную дверь не одним брусом, как обычно, а сразу двумя, но и на этом не успокоилась, принялась вязать на окна сплетенные из лесных трав веревочки и бормотать какие-то наговоры. И такие же наговоры знахарка шептала, разжигая светильники. Грядущая ночь вызывала у нее нешуточную обеспокоенность.

Я не думал, что нам грозит серьезная опасность, но все же предложил поставить колдовскую защиту.

– Не стоит, – покачала головой девушка. – Твоя сила лишь разозлит духов и привлечет их сюда.

По случаю праздника Марта надела платье с вышивкой. То оказалось столь же куцым, что и повседневные, словно с момента пошива нарядов знахарка заметно вытянулась, пусть при этом и не особо прибавила в весе.

С кем она жила здесь раньше и как вообще попала в это лесное обиталище? Вопрос этот так и вертелся у меня на языке, но, поскольку девчонка эту тему обходила стороной, я расспросами решил ее не донимать. Если уж на то пошло, мы вообще почти не вели беседы на отвлеченные темы; кабы не обучение грамоте, то, пожалуй, и не разговаривали бы вовсе. Подозреваю, Марте просто не хватало навыка общения, а я полагал ненужным укреплять наши отношения, ведь даже мое нынешнее положение наставника могло самым серьезным образом осложнить грядущее расставание.

Праздничный стол порадовал непривычным разнообразием. Было бы грех жаловаться на стряпню Марты, и все же неизменные каши, омлеты и овощные супы успели порядком поднадоесть. Да и не столь частое появление в меню блюд из солонины тоже давно не воодушевляло. Орехи, сушеная и мороженая лесная ягода оскомины пока что не набили, но жареный цыпленок порадовал меня несказанно больше. Как и малиновое вино, пришедшее на смену давно опостылевшим травяным настоям. Ну а сладкий пирог так и вовсе был великолепен.

Лучины этим вечером знахарка заменила свечами, получился настоящий праздничный вечер, но ужинали мы, подспудно прислушиваясь к доносившимся с улицы скрипам и шорохам. В воображении невольно сложился образ огромного чудовища, которое безостановочно бродит вокруг дома, заглядывает в щели ставень, тяжело дышит в печную трубу и легонько давит на стены. А, быть может, так оно и было на самом деле: чего только не случится в такую ночь, если уж взялся пить вино с ведьмой посреди глухого леса.

Вино, к слову, оказалось сладким и не слишком крепким, но в голове после него приятно шумело. Заботы и тревоги понемногу отступали, страхи тонули в искристом рубиновом напитке и больше не отравляли своей панической безысходностью.

Ужин оказался выше всяких похвал; после него Марта начала убирать со стола, а я прислонился спиной к теплой печи и принялся без спешки попивать остававшееся в кружке вино. Дом скрипел и слегка подрагивал под порывами ветра; ночной великан, сотканный из мрака и стужи, понемногу обретал силу и усиливал натиск. Где-то завыв волк, и я готов был поклясться, что расслышал отзвук охотничьего рога. Рогатый король вывел свою чудовищную свору на охоту, и теперь мне уже не хотелось смеяться над пустыми суевериями простецов.

Так и ждал, что вот-вот – и раздастся требовательный стук в дверь. И на что тогда сгодятся наговоры лесной ведьмы? Грош им цена. Впрочем, это все только мои фантазии...

Марта разобралась с грязной посудой и подкинула в печь пару поленьев. Из-за выпитого вина ее неизменно бледное лицо покраснелось, но вела себя ведьма даже тише и скованней, нежели обычно. Припомнив мне опрометчивое обещание дать почитать книгу, она уселась с фолиантом за стол и стала беззвучно шевелить губами, проговаривая сложные слова. Пришлось ей помогать, но, если начистоту, я был даже рад отвлечься. Вино закончилось, а ощущение необъяснимой опасности и не думало отпускать. Наоборот, с каждой минутой оно лишь усиливалось.

Будь моя воля, я бы и спать не лег, так и просидел бы у печи до самого утра. Глупо, конечно, и недостойно образованного человека, но это в городе хорошо изобличать суеверия, а когда до ближайшего жилья – полторы почтовых мили, только и остается, что молиться.

Утомившись, Марта отложила книгу и начала готовиться ко сну; не стал засиживаться и я. Улегся на тюфяк, принялся вслушиваться в ночные шорохи и завывание ветра. Знахарка задула свечи и зашуршала одеждой, прошлепала по полу босыми ступнями, а потом вдруг скользнула ко мне под одеяло.

– В Йоль никто не должен оставаться один, – шепнула девчонка, и я не нашел в себе решимости – слаб человек! – отправить ее спать на полати.

В конце концов, насчет этой ночи Марта была совершенно права. Одиночество, чтоб его...

Вышел из дома затемно. Сбежал? Не знаю. Просто не задавался этим вопросом. Шел, шел и шел через бесконечный лес. Бездумно и монотонно пробирался через сугробы. Не чувствуя усталости, шагал по укатанной санями дороге. И совершенно неожиданно очутился на окраине погруженного во мрак городка, названия которого так и не удосужился узнать.

Улочка показалась знакомой, и неспроста – именно на ней жил взявший в починку пистолы оружейник. А если дойти до соседнего перекрестка и пару раз повернуть, то окажусь у таверны. Так и решил поступить. И сразу неведомым чутьем уловил за спиной чужое присутствие!

Прыжок в сторону, разворот, удар!

Кинжал впустую рассек воздух, смазанное движение мелькнуло чуть в стороне, и тут же поясницу пронзила острая боль, в потрохах колыхнулся жидкий пламень. Земля под ногами покачнулась и скакнула навстречу, лицо зарылось в снег.

Невероятным усилием мне удалось извернуться и выставить перед собой кинжал, но повторного нападения не случилось. Темная фигура, узкоплечая и субтильная, неподвижно замерла в паре шагов, лицо убийцы терялось в тени, черневшей под глубоким капюшоном. А потом руки поднялись и откинули его.

Фрейлейн Герда!

2

Я дернулся и проснулся. Сон! Это все драный сон! Ненавижу полнолуния!

Ставни оказались открыты, лесную хижину заполнял полумрак зимнего утра, а легкий аромат трав смешивался с запахом немудреной стряпни. Ночью мы с Мартой не сомкнули глаз, забылись в дреме лишь перед самым рассветом, и все же она уже встала, растопила печь и готовила завтрак.

Я оделся и подошел к столу.

– Вот и новый год наступил... – нейтрально сказал, толком не зная, как теперь себя вести.

– Наступил, – кивнула знахарка и выставила на доску сковородку с яичницей. – Садись за стол, колдун.

Держалась хозяйка столь же скованно и отчужденно, как и прежде, и меня это обстоятельство несказанно порадовало. Никаких романтических чувств к знахарке я не испытывал, и ее сердечные терзания доставили бы нам в дальнейшем одни только расстройства. Но, как видно, опасался я выяснения отношения совершенно напрасно; фрейлейн Марта оказалась особой в высшей степени разумной.

Позавтракали мы в полной тишине, а потом я без напоминаний взял лопату и отправился на улицу. В последнее время уборка снега предшествовала атлетическим упражнениям и занятиям со шпагой в качестве разминки, но сегодня, ко всему прочему, мне хотелось остаться в одиночестве и немного привести в порядок мысли и чувства.

Волновала не столько проведенная с Мартой ночь, сколько приснившийся под утро кошмар. Сон – это лишь сон, в причастность к покушению фрейлейн Герды я нисколько не верил; ее мертвое тело давно разобрали на куски в анатомическом театре. Но, как уже успел убедиться неоднократно, случайные сновидения в полнолуние меня не посещали. Что-то зацепило в этой ситуации, что-то казалось неправильным и варилось в подсознании. Знать бы еще, что именно.

Я покачал головой и вышел за дверь. Подспудно ожидал увидеть отметины чудовищных лап, но, вопреки всему, наст оказался нетронут, лишь вдоль стены шла глубокая борозда там, где Марта пробиралась к окнам, дабы снять свои заговоренные веревочки. При этом снега намело на удивление много. Если за оградой его почти не прибавилось, то дом занесло до подоконников, будто вчера мы находились в самом центре вихря. Неспроста всю ночь поскрипывали стены и крыша.

Очистив двор от снега – сугробы выросли у забора немалыми кучами, – я немного поупражнялся со шпагой и вернулся в дом. Тюфяк к этому времени неведомым образом пропал, но меня это нисколько не удивило и не обескуражило. Если уж на то пошло, любая ночь не лучшее время для одиночества, да и на печи спать куда теплее, нежели на полу. Что уж говорить об иных потребностях организма...

Марта сидела у заиндеветшего окна и хмурилась, пытаясь вникнуть в хитросплетения умных словес из вступительной части «Некоторых аспектов ментального воздействия и долгосрочного управления разумом». Чтение это было не самое подходящее для юной фрейлейн, но я подумал-подумал и делать замечание знахарке не стал.

Впрочем, Марта отвлеклась от книги сама и огорошила меня неожиданной просьбой:
– Сотвори какую-нибудь волшебку, Филипп!

В иной ситуации я бы только отшутился, но тут решил не разочаровывать девушку и отыскал принесенную из леса палочку, на которой уже были вырезаны все необходимые формулы. Легкое движение, узел, завиток – и вот уже под потолком загорелось маленькое рукотворное светило.

Девчонка с восторженным криком вскочила на ноги и потянулась к огоньку, пришлось резко крикнуть:

– Стой!

Марта испуганно замерла, не успев коснуться оранжевого сгустка.

– Не трогай, – уже мягче попросил я. – Это опасно. Ты ведь не съешь руку в костер!

– Но он же... Он кажется таким... – Марта замялась, подбирая слова, – нереальным...

– Он реальней некуда, – заявил я и взмахом палочки развеял заклинание.

Вновь вернулся полумрак, и знахарка помрачнела.

– Почему бы не оставить его? – спросила она и зябко передернула худыми плечиками. – Такой приятный свет...

– Нельзя, – покачал я головой. – Всякое заклинание питается небесным эфиром, рано или поздно это приведет к истощению незримой стихии. Не навсегда, со временем она восста-

новится, но лучше этого не допускать. Особенно в собственном жилище. Ты умеешь видеть силовые потоки?

Марта помотала головой и закусила губу. Льдинки в ее голубовато-серых глазах подернула поволока. Слезы? Этого еще не хватало! Только не сегодня!

– Хорошо-хорошо, сейчас покажу! – против воли, пообещал я, поскольку ничего предосудительного в этом знании не видел.

Большинство школяров овладевали истинным зрением задолго до поступления на факультет тайных искусств. Это был некий базис, на который нарастали все прочие умения. Почему бы и не упростить Марте будущее обучение, если поступления в университет ей в любом случае не избежать? Так, по крайней мере, будет меньше шансов, что до этого момента она навредит себе или окружающим.

Марту мои слова привели в полнейший восторг, она даже несколько раз хлопнула в ладоши и спросила:

– Что мне делать?

Подавив горестный вздох – ангелы небесные, ну куда я только лезу?! – велел знахарке выйти в центр комнаты и сесть на пол.

– Зажмурься, постарайся расслабиться и разглядеть через веки мой силуэт. Сразу это не получится, не переживай. Энергетические потоки заметить проще, поэтому уделяй внимание цветным пятнам и лентам.

Опытным колдунам закрывать глаза не требовалось, а вот неофиты, как правило, не могли отрешиться от обычного зрения и потому не замечали неуловимых искажений незримой стихии.

– Ничего не вижу, – пожаловалась Марта. – Обычные желтые пятна.

– Молчи, дыши ровно, выбрось из головы сомнения. Лучше вообще ни о чем не думай. Просто смотри.

– А нет никакого наговора...

– Нет! – рыкнул я. – Молчи, дыши, смотри!

Девчонка обиженно поджала бледные губы и напряженно засопела, но некоторое время спустя обуздала эмоции и расслабилась. Я уж было понадеялся на скорый успех, но нет – дело с мертвой точки не сдвинулось.

Провозились в итоге до сумерек, и все без толку, Марта к внутреннему зрению обратиться так и не смогла. Лицо девушки заострилось, а платье меж лопаток промокло от пота, но присутствия духа знахарка не теряла и не раскисала. Я и сам чувствовал себя так, словно с утра без единого перерыва чистил во дворе снег. Тяжела ты, доля наставника...

Ближе к вечеру я велел Марте открыть глаза и расфокусировать зрение, дабы попытаться заметить отсветы ауры, но и этот подход результатов все же не дал.

– Лес спит, – в очередной раз заявила знахарка. – Откуда взяться силе?

Любой другой давно махнул бы на упертую девицу рукой, да и у меня эти упоминания о лесе уже сидели в печенках. Я попросту возненавидел и его, и мифических хранителей, по чьей воле заплутал в дебрях и не успел добраться до перевалов, прежде чем их завалило снегом. Захотелось отвесить знахарке оплеуху, но я взял себя в руки, крутанул запястьем, наматывая на него четки, и поцеловал золотой символ веры. Пробормотал короткую молитву и сказал:

– Закрой глаза, попробуем еще раз.

Марта беспрекословно выполнила распоряжение, несколько минут успокаивала дыхание, затем вздохнула.

– Ничего.

Я в сердцах всплеснул руками, и тут же девчонка встрепенулась:

– Искорка мелькнула! И сейчас светится!

– Покажи! – потребовал я. – Нет, глаз не открывай!

Знахарка безошибочно указала на четки.

Святые небеса! Кудесники братства святого Луки наполнили эфиром одну из янтарных бусин, именно его свечение и сумела разглядеть моя подопечная!

– Следи за искрой! – потребовал я и принялся водить из стороны в сторону рукой.

Марта безошибочно поворачивалась вслед за моими движениями, но концентрация давалась ей нелегко; кожа заблестела от пота.

– На сегодня хватит, – отпустил я девчонку. – Продолжим завтра. Ты небезнадежна, это главное.

Знахарка счастливо улыбнулась, поднялась с пола, охнула и покачнулась, но сразу восстановила равновесие.

– Голова закружилась, – пожаловалась она.

– Бывает, – усмехнулся я и принялся разжигать лучины.

Огоньки мигом разогнали заполонивший комнату сумрак, и Марта отправилась накрывать на стол. Ничего нового она сегодня не готовила, мы доели остатки вчерашней трапезы. После ужина знахарка запалила ночную лампу и попросила меня нагреть воды, намереваясь смыть пот. Я выполнил распоряжение, многозначительно посмотрел туда, где раньше лежал тюфяк, и справился о сегодняшнем месте ночевки.

Марта слегка зарделась, но посмотрела на меня с некоторым даже вызовом и сказала:

– Лезь на полати.

– Сегодня же не Йоль? – улыбнулся я.

– Чем одна ночь отличается от другой? – хмыкнула девчонка, распуская поясok платья. – Лезь, я сейчас приду.

Марта и в самом деле не заставила себя долго ждать. Ополоснулась, забралась под одеяло и прижалась ко мне теплым влажным боком. Я потеснился, освобождая место, и вдруг почувствовал легкий укол в спину. Пошарил рукой и вытянул из-под себя сплетенную из ниток, тряпичных кусочков и сухих травинок фигурку, приколовшуюся к наволочке длинным шипом боярышника.

– Спишь с куклой? – не удержался я от улыбки.

– Не сегодня, – ответила Марта и задула ночник.

На следующее утро знахарка растолкала меня ни свет ни заря. Девчонка намеревалась без промедления продолжить вчерашние занятия, но я энтузиазма подопечной не разделял, смел немудреный завтрак и отправился чистить снег. За счет каждодневных физических упражнений я изрядно окреп, но вернуть прежнюю форму оказалось не так-то просто. Все же исхудал за время беспамятства и горячки изрядно, да и проткнутое бедро нет-нет да и ломило.

Вернувшись в дом к изнывавшей от нетерпения Марте, я внимательно огляделся, но память меня не подвела: святой образ не украшал ни одну из стен. Не носила его знахарка и на цепочке или шнурке да и не молилась ни разу, не благодарила вместе со мной небеса за хлеб насущный даже перед трапезой.

– Не вижу в доме святого символа, – произнес я, и голубовато-серые глаза девчонки сверкнули раздражением.

– Какое это имеет значение? – с вызовом спросила она.

– Не веришь в господа нашего Вседержителя?

– А с чего ты... – Марта осеклась, закусила губу и продолжила уже не столь резко: – Откуда мне знать, существует он или нет?

Глупо было злиться на лесную ведьму, необразованную и суеверную, поэтому я произнес без всякого раздражения:

– Слов пророка тебе недостаточно?

Знахарка передернула худенькими плечами.

– Он был человеком. Откуда ему знать такие вещи?

Мессияне полагали пророка одной из ипостасей Вседержителя, но я на мнение южных фанатиков ссылаться не стал, напомнил о другом:

– Пророк был первым, кто воссиял. Он открыл эту дорогу для других и помогали ему в этом ангелы небесные. Свидетельств тому – превеликое множество.

Фрейлин Марта насупилась и, глядя себе под ноги, принялась теревить поясok платья. Вступать в теологический диспут она не пожелала.

Я вздохнул, снял с запястья четки и выложил их на край стола.

– Ладно, приступим! Встань у окна, зажмурься и раскрутись на месте. Ты должна почувствовать четки и дойти до них с закрытыми глазами.

– А ты куда собрался? – встревожилась Марта, когда я взял снегоступы.

– Осмотрюсь на поляне.

Знахарка не стала останавливать меня, лишь поморщилась и попросила:

– Будь осторожен, колдун.

– Йоль прошел, чего мне опасаться?

– Лес не любит чужаков.

– Учту.

Добраться до поляны с дубом не составило никакого труда, даже не запыхался. Там я встал напротив кряжистого великана и заключил себя в круг, прочертив на снегу линию обломанной по дороге веткой.

Как ни странно, но идею подала Марта. Вчера она заметила искорки силы в янтарных бусинах четок, и у меня мелькнуло озарение, что намоленное место сможет послужить своеобразным маяком. Ориентируясь на него, я без труда выберусь из леса, и никакие духи не заставят сбиться с пути и заплутать в чащобе. Дело оставалось за малым: такое место создать.

Какому-нибудь святому старцу-отшельнику хватило бы на это единственной медитации, мне же придется молиться здесь изо дня в день, перестраивая структуру эфира, делая его более податливым, насыщенным и ярким. Но зато к началу весны я обрету возможность выбраться из леса вне зависимости от того, пожелает помочь с этим Марта или нет. Мало ли какие у сумасбродной девчонки планы на мой счет...

Я посмеялся над этими нелепым подозрениями и какое-то время молился, а затем двинулся в обратный путь. В доме знахарка кинулась мне на грудь и поцеловала, даже не дав снять куртку.

– Я чувствую четки! – завопила она. – Я их вижу!

– Нисколько в тебе не сомневался, – с деланным безразличием заявил я в ответ и усмехнулся. – Что ж, тогда самое время усложнить задачу!

Улыбка Марты потускнела, а на лицо вновь вернулась маска холодной отстраненности, но девчонка почти сразу переборола себя и кивнула.

– Я готова!

Ну и чудненько. Видят небеса, до весны мне в этом медвежьем углу заниматься решительно нечем...

3

За первую седмицу Марта с моей помощью худо-бедно научилась различать эфирное поле, а дальше дело пошло проще, и знахарка быстро стала видеть мир таким, каким он был на самом деле или, по крайней мере, каким он задумывался и создавался Вседержителем изначально. Теперь девчонка могла различать новые цвета, оттенки и полутона, энергетические потоки да еще ни с чем не сравнимое свечение эфира.

И удивительное дело – пока учил Марту обращаться к истинному зрению, заметно улучшил навык вхождения в транс и сам. Получаться это стало гораздо быстрее и проще, и даже после неоднократного погружения в незримую стихию из носа больше не текла кровь. Правильная техника – великая вещь!

Помимо этого я ежедневно навещал поляну к дубу и продолжал своими молитвами менять эфирное поле, придавать ему должную упорядоченность и мало-помалу напитывать место святостью. Выходило это отнюдь не лучшим образом, но выходило.

Когда Марта окончательно освоилась с истинным зрением, пришла пора заняться ее эфирным телом, усилить его, проработать и уплотнить. Единственным известным мне способом достижения этого были многочасовые медитации, и потому знахарка дни напролет сидела с закрытыми глазами и неумело, зато очень старательно выправляла свою внутреннюю энергетику.

Я же оказался предоставлен самому себе и очень скоро от невыносимой скуки готов был волком выть и лезть на стену. Спас трактат о ментальном доминировании. Я проштудировал его от корки до корки, основное внимание уделяя разделу, посвященному защите собственного разума от чужих поползновений. Описанные там техники оказались крайне своеобразными, и, памятуя о том, сколь легко эфирным червям удалось проломить выстроенную по общепринятым канонам тайного искусства мысленную оборону, я пренебрегать новыми знаниями не стал. Усилил ментальные блоки, запутал лабиринт подсознательного, провел множество не столь очевидных приготовлений. Ну в самом деле – чем только не займешься от скуки?

От Марты толку было немного. Увлеченная практическими занятиями девчонка превратилась в подобие ходячего мертвеца, бездумного и апатичного, начисто лишённого каких бы то ни было эмоций. Утром она готовила еду и занималась живностью, потом начинала медитировать, а поздним вечером проваливалась в беспробудный сон.

Я к подобному поведению относился с пониманием. Выравнивание эфирного тела не всегда проходило гладко даже у неопитов, а у тех, кто начинал заниматься тайным искусством без присмотра грамотного наставника, осложнения были скорее правилом, нежели исключением из оно. Но Марта справлялась. Ее аура сделалась заметно ярче, пропали признаки истощения, почти полностью исчезла встревожившая меня «бахрома». К концу первого месяца обучения девчонка ничем не уступала школярам-желторотикам, и я небезосновательно относил эти успехи на счет своих педагогических талантов.

Стоило бы остановиться на управлении внутренней энергией, но нет, скука толкнула на скользкую дорожку наставничества.

– Можешь показать тот волшебный огонек? – спросила как-то Марта.

С каждым днем знахарка тратила на медитации все меньше и меньше времени, она привела в порядок запущенное было домашнее хозяйство и возжелала продвигаться в своем обучении дальше.

Я подумал-подумал и отказывать в невеликой просьбе не стал. Раньше для девчонки огненный шар просто возникал из воздуха, теперь же она была способна различить, как сплетается эфир в энергетические нити, а те формируют основу заклинания и наполняют его силой.

Отыскав волшебную палочку, я покрутил левой кистью и повел рукой в сторону, оценивая сопротивление незримой стихии. Остался своими ощущениями удовлетворен и кивнул.

– Начали!

Мах, узел, завиток – и вот уже под потолком плывет маленький огненный шарик!

Марта охнула от восторга и с придыханием произнесла:

– Всего три жеста! Всего только три!

Я самодовольно улыбнулся, а девчонка никак не унималась.

– Неужели этого достаточно? – спросила она. – Три жеста и никаких слов?

– Смотря для чего, – пожал я плечами и потряс рукой, прогоняя неприятное онемение. – Эффект рычага, слышала о таком?

В глазах Марты отразилось непонимание.

– Чем проще заклинание, тем больше придется вложить собственных сил, – пришлось пояснить мне свои слова. – Трех жестов хватит для создания огонька, но попробуешь сотворить по этой схеме огненный шар размером с голову и надорвешься. Не говоря уже о чем-то более серьезном.

– Не уверена, что понимаю, – поникла девчонка.

– Это как с пращей, – привел я наиболее доступный пример. – Ты можешь бросить камень рукой исключительно за счет собственных сил, а можешь раскрутить его в праще и задействовать природные силы, именуемые учеными мужами центробежными.

– Понятней не стало, – поджала губы Марта.

Я поднял очи горе.

– Ритуал позволяет заклинателю не полагаться исключительно на внутренние силы, коих обычно немного, но присовокупить к ним энергию незримой стихии, разлитую вокруг нас. Чем сложнее схема, тем меньше доля собственных сил. Так понятней?

Знахарка кивнула.

– А можно мне попробовать? – спросила вдруг она.

Я задумался. Переходить к практическим занятиям, прежде чем будет вызубрена теория, не хотелось, но и просыпаться в горящем доме, если вдруг девчонка решит сотворить заклинание самостоятельно, не хотелось еще больше. Пусть уж лучше занимается под моим присмотром.

– На прут нанесены формулы, которые позволяют взаимодействовать с эфиром, но управляется он волей заклинателя.

Марта приняла волшебную палочку, закрыла глаза и кивнула.

– Я чувствую силу.

– Попробуй уловить сопротивление эфира.

Знахарка неуверенно поводила прут из стороны в сторону, надолго задумалась и кивнула.

– Кажется, чувствую что-то такое, – но уверенности в ее голосе не прозвучало.

– Пропусти свою силу через жезл, – потребовал я, и – удивительное дело! – девчонка справилась с этим без всякого труда.

Истинное зрение позволило разглядеть уверенный ток энергии, я сжал пальцами худенькую кисть Марты и предупредил:

– Я помогу, только не дергайся! Итак, мах, узел, завиток...

И ничего. Жезл цеплял эфир, но тот немедленно соскальзывал с него и не сплетался в нужную структуру.

Марта закусила губу от разочарования, я отпустил ее руку и предложил:

– Попытайся сама.

Та попробовала, и вновь безрезультатно.

Я пожал плечами и, несколько не расстроенный неудачей ученицы, распорядился:

– Неси разделочную доску и муку. Начнем с азов.

Глава 4

1

С азов мы и начали. Я показал Марте все основные элементы силовых плетений и заставил не только накрепко вызубрить их, но и отработать без прикосновения к эфиру. Попутно растолковывал прописные истины и объяснял базовые принципы создания чар.

Девчонка прекрасно усваивала материал, но всякие ее попытки сотворить хоть какое-нибудь, пусть даже самое элементарное заклинание не заканчивались решительно ничем. Я даже подогнал к руке знахарки волшебную палочку, но не помогло и это. Пусть с эфиром жезл и взаимодействовал должным образом, но энергия стекала с него совершенно непредсказуемо, словно некое постороннее воздействие вносило диссонанс и разрушало структуру.

Марта укладкой плакала, а в один из моментов не выдержали нервы и у меня.

– Как ты только раньше ворожила?! – в сердцах бросил я. – Ты ведь исцелила меня! Каким образом?!

– Р-руками и наговорами... – пролепетала знахарка, размазывая по лицу слезы. – Наговорами рану закрыла, руки наложила и вылечила...

Я на миг замер с открытым ртом, затем клацнул зубами и переспросил:

– Руками?

– Ну да, – подтвердила знахарка, заметила мое удивление и встревожилась: – А что?

Ритуалисты не могли напрямую касаться эфира, им приходилось довольствоваться использованием схем и жезлов. Марта – истинная?

Это многое объясняло. Истинных совсем не так просто приучить работать с волшебными палочками, им куда сподручней действовать руками, а это мешает, отвлекает и создает помехи. Да никому из одаренных таким талантом и в голову не придет использовать магический жезл! Лишь по большой нужде...

– Покажи! – потребовал я. – Сделай хоть что-нибудь!

– Не могу, – потупилась девушка. – Силу мне дает лес, а он сейчас спит.

У меня засосало под ложечкой. Силу дает лес? Дает силу? Известно, кто делится энергией с заклинателями! Князя запределья и прочие потусторонние твари!

Я припомнил поистрепавшиеся края эфирного тела знахарки, будто кто-то отрывал от него по кусочку, сглотнул и спросил:

– Это какая-то особенная сила? Попробуй описать свои ощущения от нее.

Марта неуверенно пожала плечами.

– Она такая... такая... Вот ты спросил, колдун! Даже не знаю, как сказать!

– Цвет? – задал я наводящий вопрос.

Глаза знахарки раздраженно сверкнули.

– Тем цветам не придумано названий!

– И все же. Какие аналогии он у тебя вызывает? Тебе известно слово «аналогия»?

Марта фыркнула и задумалась.

– Зелень распускающихся дубовых листочков с древесным налетом.

У меня отлегло от сердца. Идущую из запределья силу описывали по-разному, но диапазон этих цветов начинался серым и заканчивался черным с заходом в пурпур и багрянец. Зеленой ее не называл никто и никогда.

– Попробуй использовать другую силу. Ту, которая наполняет весь мир. Теплую, она может показаться оранжевой или желтой. Прикоснись к ней, создай светляка. Да оставь ты

жезл! Используй пальцы! Тебе это должно быть даже проще. Пробуй! Основа плетения останется прежней.

Знахарка посмотрела на меня с нескрываемым удивлением, но после недолгих колебаний все же предприняла попытку сотворить магический огонек. Эфир явственно стусился, что само по себе было хорошим признаком, но не поддался знахарке и просочился через пальцы.

– Вот видишь... – поникла Марта.

– Пробуй еще! – потребовал я.

И вновь девчонку преследовала неудача.

– Сейчас нет нужной силы! – всплила знахарка. – Говорю тебе, колдун! Она появляется весной! Лес дарит ее, а эта проходит сквозь пальцы! Я даже ничего толком не чувствую!

– Вздор! – отмахнулся я. – Отбрось суеверия! Ты можешь работать напрямую с эфиром! Я вижу это! Пытайся!

Марта попробовала раз и еще, но ничего хорошего из этого не вышло. Она никак не могла приноровиться к тончайшему эфирному полю, пальцы рвали его, а не сплетали в нити.

– Да покажи сам, как надо! – выкрикнула взбешенная неудачей знахарка. – Покажи!

Если б я только мог! Если б только мог...

– Ты ведь сам используешь палочку! – продолжила горячиться девчонка. – Почему? Ответь!

Я на миг задумался и, к своему величайшему облегчению, не испытал ни малейшего позыва сказать правду.

– Так проще, – ответил я, задумчиво посмотрел на четки и предупредил Марту: – Ладно, смотри очень внимательно и готовься повторять.

А затем принялся раздеваться до исподнего.

Марта захлопала ресницами, неуверенно взялась за поясok платья, спросила:

– Мне тоже?

– Тебе – нет, – усмехнулся я, хоть и ощутил немалый соблазн ответить утвердительно, лишь бы только придать нашим занятиям толику пикантности.

Но не стоит. Немалое количество университетских сообществ начинали такими вот невинными шалостями, а заканчивали свальным грехом и еретическими практиками. А уж сколько ритуалов постигла неудача из-за не вовремя брошенного взгляда на обнаженную грудь симпатичной девицы, и не сосчитать!

Собравшись с духом, я зажал в пальцах наполненную эфиром янтарную бусину – последнюю из тех, что купил в лавке братства святого Луки и еще не успел использовать для собственных нужд.

– Следи! – потребовал я и усилием воли разрушил запирающие чары, позволил эфиру выплеснуться наружу и закружиться призрачным облачком энергии.

Марта разинула рот, наблюдая, как растекается и развеивается в пространстве чудотворная сила.

– Повторяй! – рявкнул я, захватил эфир левой рукой и сжал его, а после легким усилием воли заставил вспыхнуть, превращая в парящий перед собой огонек.

Знахарка повторила мои движения, но энергия просочилась через ее пальцы, мигнула разреженным сиянием и погасла. Марта в немом изумлении уставилась на свою ладонь, потом перевела взгляд на меня и ойкнула.

– Твоя рука светится! – забеспокоилась она. – Ты видишь эти лучики?

О да! Я не только видел их, но и прекрасно ощущал. На коже проявились сотни укусов призрачных ос, они зажглись ярчайшими точками и даже испустили лучи незримого света, будто моя рука засияла изнутри. Но она не сияла, она сгорала. Захваченный при мимолетном касании эфир разжег жгучее пламя, и я скрипнул зубами от боли. Ухватил стоявшее под столом ведро, как был – босиком, вышел на улицу и облился, смыв ключевой водой излишки энергии.

Полегчало враз. Я вернулся в дом, стянул мокрые рейтузы и принялся растираться полотенцем.

– Мое эфирное тело повреждено, – сообщил я встревоженной девчонке, сев поближе к печи. – Эта старая... порча, ее уже не свести. Ничего страшного, просто нельзя работать с энергией напрямую, сама видела, к чему это приводит. Но ты – другое дело. У тебя талант истинного мага. Тебе надо ехать в столицу или даже в Кальворт.

Марта рассмеялась, не приняв мои слова всерьез. И совершенно напрасно.

– Весной выправлю для тебя рекомендательные бумаги, – пообещал я.

– Не смей меня, колдун! – отмахнулась девчонка. – Дай лучше посмотрю твою руку.

Она присмотрелась к покрасневшей и заметно припухшей коже, помяла пальцами, принюхалась.

– Порча, говоришь? – задумчиво глянула на меня и отошла к заставленному коробками и склянками шкафу. – Пожалуй, смогу тебе помочь.

Я только фыркнул.

– Не веришь? – обиделась Марта. – Думаешь, куда там этой неграмотной ведьме? А вот сейчас увидишь!

Знахарка выставила на стол банку, заполненную непонятной трухой, сняла притертую крышку и смерила меня пристальным взглядом с головы до ног.

– Что это? – забеспокоился я, когда она кинула щепотку неведомого зелья в кружку и залила ее кипятком.

– Толченый корень мандрагоры в основном, – сообщила она. – Ему надо настояться.

– С чего ты взяла, что он мне поможет?

– Я же ведьма! Нам многое ведомо!

Меня такой ответ несколько не убедил, поскольку в ученой среде слухи о чудодейственных свойствах корня мандрагоры полагались изрядно преувеличенными. Использовали его разве что алхимики, вконец отчаявшиеся создать эликсир вечной жизни, да... неграмотные ведьмы. Людей разумных от таких экспериментов удерживала угроза сурового наказания. В отличие от Вселенской комиссии, которая закрывала глаза на использование столь сомнительного ингредиента, церковь относилась к подобным деяниям несравненно строже. Любого аптекаря, пойманного на торговле мандрагорой, ждало лишение лицензии, а то и суд. Виной тому были главным образом ритуалы не самого приличного свойства, считавшиеся обязательными при сборе корня.

И все же от протянутой кружки я отказываться не стал. В несколько длинных глотков выпил настой, скривился от пронзительного солоноватого вкуса и прислушался к собственным ощущениям. Ничего особенно не изменилось; разве что боль в левой руке утихала необычно быстро, но так неизменно и происходило всякий раз после своевременного обливания водой.

– Попробуй коснуться эфира! – потребовала Марта.

Я воззрился на ведьму с недоумением.

– Ты сейчас серьезно?

– Попробуй! – повторила знахарка и задорно сверкнула серовато-льדיстыми глазами. – Или боишься?

Идти на мороз и выливать на себя очередное ведро воды несколько не хотелось, но знахарка была настроена серьезно и могла не на шутку обидеться, выкажи я столь откровенное недоверие ее способностям.

– Хорошо, но ты тоже готовься! – решил я, встал от печи и кинул полотенце на лавку.

Марта смущенно зарделась и попросила:

– Оденься!

Я натянул штаны и махнул волшебной палочкой, закручивая эфир и заставляя его уплотниться. Получилось это легко, но поразило совсем другое – пусть кожа и вспыхнула лучиками

ослепительного сияния, боли на этот раз не было, кисть не загорелась огнем, не опухла и не покраснела.

– Святые небеса! – невольно вырвалось у меня, и я заработал жезлом пуще прежнего, а затем скомандовал Марте: – Пробуй! – и сразу прикрикнул на замешкавшуюся девчонку: – Да обеими руками, бестолочь!

Знахарка попыталась захватить непослушный эфир и даже успела сплести силовую нить, прежде чем та выскользнула из пальцев и развеялась.

– Вот видишь! – разозлилась Марта. – Не получается!

– А чего ты хотела после месяца обучения? – хмыкнул я и повертел кистью. Боли не было, лишь ощущалось некое онемение. – Дар у тебя есть, остается его отесать.

Девчонка фыркнула и поджала губы.

– Лес дает чистую силу, а эта... – Знахарка передернула плечами и замялась, подбирая нужное слово. – Она сочится сквозь пальцы и не позволяет себя захватить! Она слишком слаба!

Слишком слаба? Чем же таким потчевал девчонку ее драгоценный *лес*?

Я покачал головой и напомнил:

– Лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Знахарка нахмурилась.

– Всегда думала, что высшая магия творится одним усилием воли!

Я покачал головой.

– Колдуны управляют эфиром либо жестами, либо жезлами. Еще есть вербальная магия, но ее мало кто использует кроме духовенства, заклинателей погоды да малосильных ведьм вроде тебя. Сначала приходится зубрить толстенные сборники чар, потом проговаривать их текстовку в не самых подходящих для того условиях. Это... непрактично. На юге распространено сочетание вербальных и невербальных практик, но и только.

– Вербальных... Невербальных... О чем ты, колдун?

У Марты голова пошла кругом от незнакомых слов, и я пояснил:

– Слова и жесты.

– А воля? – упрямо продолжила допытываться девчонка.

– Воля лежит в основе всего, – усмехнулся я. – Но без слов и жестов, управляющих эфиром, работает разве что ментальное доминирование. Тонкая энергия слишком слаба. Взглядом можно зажечь свечу, а истинные способны отвести в сторону арбалетный болт или сдвинуть предмет, но и только. Сотворенное подобным образом заклинание целиком и полностью расходует внутренние силы колдуна, мощные чары так могли творить лишь настоящие чудотворцы. Тебе на первых порах не стоит даже пытаться, только заработаешь истощение эфирного тела. Я помогу с азами управления эфиром, остальное даст обучение в университете.

Марта ненадолго задумалась, потом с обреченным видом кивнула.

– Научи меня, колдун, – попросил она. – Я буду стараться. Правда, буду!

Я еще раз повертел левой рукой, на какую-то долю мгновения вновь ощутил былую целостность и вздохнул.

– Ну почему бы и нет? Времени у нас хоть отбавляй...

Прежде мне никогда не доводилось обучать истинных магов, но я вдоволь насмотрелся на этот непростой процесс и знал все ухватки наставников, призванные раскрепостить сознание неофитов и подтолкнуть их к единению с незримой стихией. Я знал их все и все перепробовал. Результат... не впечатлял.

День за днем я пил отвар из корня мандрагоры, несколькими пассами заставлял сгуститься эфир и давал Марте возможность сотворить какие-нибудь примитивные чары. А та не справлялась, сила утекала у нее из рук, будто вода сквозь пальцы. Мало-помалу Марта набатывала практику, но пока что так и не сумела разбудить свои дремлющие способности.

Переломить ситуацию никак не получалось, знахарка даже порывалась все бросить, но я был неумолим. Честно говоря, мне просто нравилось ощущать мягкое тепло уплотнившегося эфира, его упругое сопротивление и даруемую им власть. Я наслаждался ощущением всемогущества и ничего поделать с этим не мог.

Но все уроки заканчивались одинаково: Марта уходила плакать, а я отправлялся на поляну молиться и успокаивать нервы. А когда возвращался, то вбивал теоретические познания в голову успокоившейся к тому времени девчонки. После знахарка занималась грамматикой, используя в качестве учебного пособия сочинение о ментальном доминировании; я же упражнялся со шпагой или просто сидел у теплой печи и прорабатывал мысленные блоки.

Назавтра все начиналось сызнова, и так – день за днем, седмицу за седмицей, пока однажды не вернулась боль. В то утро на исходе первого зимнего месяца я привычным движением зачерпнул эфир, намереваясь закружить его, слить воедино и сделать более податливым, и тотчас загорелась призрачным огнем левая кисть. Вновь, как и прежде!

Я скривился, но все же довел начатое до конца, а Марте о неприятных ощущениях рассказал уже после завершения урока. Знахарка нахмурилась.

– Ты привыкаешь, – сказала она. – Привыкаешь к мандрагоре.

– Так увеличь дозу!

– Слишком опасно! Если переборщить, зелье превратится в яд. Ты почувствуешь сонливость, жажду и упадок сил, станет сложно дышать и говорить. Потом заснешь и не проснешься.

Я подавил вспышку раздражения и вздохнул.

– Но хоть немного?

Марта неуверенно кивнула.

– Можно попробовать.

И мы попробовали. Следующим утром знахарка присовокупила к щепотке смеси малую добавку, дальше этот довесок пришлось увеличивать снова и снова. Боли я больше не испытывал, на смену ей пришло неприятное онемение, пальцы толком не слушались, всякий раз перед упражнениями их приходилось подолгу разминать. Меня подташнивало, болела голова, но я не собирался – просто не мог себе позволить! – отказываться от зелья. Я не желал вновь становиться разбитым и собранным из нескольких кусков. Ничто не должно ограничивать мой талант!

2

В полнолуние приснилось счастье. Беспредельное и неопишное. Чистое и светлое. Поразительное.

Я кое-как сполз с полатей и даже доковылял до помойного ведра, прежде чем меня скрутил приступ рвоты. Но счастье не отпускало. Оно, словно вцепившийся в жертву коршун, тянуло обратно в сладостное забытие. Сон полностью выветрился из памяти, а само ощущение безмятежности и всепоглощающей любви никуда не делось. Было погано.

Больше настоя мандрагоры Марта мне не давала.

– Ты и так принимаешь отвара куда больше, чем способен вынести нормальный человек! – отрезала знахарка. – У всего есть границы! Если пристрастишься к зелью, то рано или поздно оно прикончит тебя!

Я оделся и ушел, хлопнув дверью. Привычной дорогой добрался до поляны, постоял на своем заветном месте, тщетно пытаясь очистить разум от гнева и сожалений об упущенных возможностях. Увы мне, но Марта была совершенно права. Я поддался слабости и погнался за миражом, допустил ошибку. Нельзя вновь обрести целостность, пичкая себя ядовитой дрянью.

Разумом я это прекрасно осознавал, но внутри все так и клекотало. Эмоции били через край, им требовался выход, и оставалось лишь закричать, выплескивая раздражение и боль:

– Святые небеса! За что мне все это?! За что?!

Но я знал. Знал и не пытался переложить вину на Провидение, просто проявил мимолетную слабость.

– Прости, господи, мою несдержанность...

Несколько минут я бездумно вдыхал морозный лесной воздух, затем огляделся по сторонам. Кроме одинокого дуба, других лиственных деревьев на глаза не попало, и, поскольку раньше мне ни разу не доводилось работать ни с соснами, ни с елями, я остановил свой выбор именно на спящем великане. Кинжалом срезал с него пару толстых ветвей, сунул их под мышку и отправился в обратный путь.

Пока стягивал сапоги, Марта глядела на меня настороженно, словно затравленный зверек; я не выдержал и усмехнулся:

– Не думай, что сможешь отлынивать от занятий!

Глаза знахарки просияли; уверен, она даже расцеловала бы меня, если б не заснеженная куртка.

Какой прок возиться с ведьмой? Если начистоту, я упражнялся с ней отнюдь не из-за банальной благодарности за спасение жизни. Все объяснялось ничуть не менее банальными скукой и тщеславием. Заняться в этой глухомани в любом случае было решительно нечем, да к тому же мало кому в жизни выпадает возможность вылепить из простой девчонки истинного мага.

– Приступаем! – предупредил я, взял зачарованный прут и принялся сгонять им эфир. Почти сразу у меня заломило руку, но я стиснул зубы и продолжил свое занятие, а потом коротко скомандовал: – Давай!

Марта постаралась, но особым успехом не смогла похвастаться и на сей раз. Пусть она и контролировала энергию уверенней день ото дня, но для построения полноценного заклинания ее способностей пока что еще недоставало.

Отдышавшись и вытерев от пота покрасневшееся лицо, она указала на срезанные мною палки и спросила:

– А это зачем?

– Пригодится, – неопределенно ответил я, сходил на улицу и растер снегом пылающую кисть. Вернулся и принялся перочинным ножом счищать с веток кору, укорачивать их и подгонять под руку.

– Волшебные палочки! Ты делаешь волшебные палочки! – догадалась тут Марта. – Одна для меня?

– Тебе это ни к чему, – покачал я головой, не отрываясь от заготовки будущего жезла. – Ты истинная.

Знахарка печально вздохнула и вдруг чмокнула меня в щеку.

– Даже не представляешь, как важно, что ты веришь в меня!

Столь открытое проявление эмоций удивило, но я заострять на нем внимание не стал, болезненно поморщился и покрутил кистью. Grimаса не укрылась от Марты, она дотронулась длинными худыми пальцами до пылавшей огнем кожи и сказала:

– Сейчас приготовлю мазь.

– Из корня мандрагоры? – насторожился я.

– Не бойся, не отравишься, – уверила меня знахарка и принялась смешивать какие-то микстуры. Затем приправила их щепоткой измельченного корня, добавила масла и растерла в жидкую кашу.

– Уверена?

– Через кожу зелье впитывается слабо. В кровь мало что попадет, только не слизывай.

Я не понял, пошутила Марта или нет, уточнять не стал и протянул руку. Знахарка нанесла на воспаленную кожу густой состав, и мазь приятно охладила кисть. Очень быстро жжение прошло, без следа сгинула ломота. Ладонь будто заморозили.

Озадаченно хмыкнув, я покрутил кистью и спросил:

– А если пропитать раствором палочку, эффект сохранится?

Марта неуверенно пожала плечами.

– Не знаю. Хочешь попробовать?

Я хотел. Знахарка задумчиво откинула с лица серебристо-белые волосы и принялась рыться в шкафу с кувшинами и банками. Вскоре она подобрала подходящий по размерам горшок, поместила туда одну из заготовок и залила смесью льняного масла, выжимки из корня мандрагоры и невесть еще какой дрянью. Горшок отправился в печь, а мы занялись своими обычными делами. Немного попрактиковались в арифметике и грамматике, после обеда пришел черед тайных искусств. Теоретические знания были ничуть не менее важны, нежели практические умения, и в этой области Марта демонстрировала вполне очевидные успехи. С памятью у нее дела обстояли наилучшим образом.

На следующее утро я первым делом выудил заготовку волшебного жезла из раствора и поставил ее обтекать на миску. Но результат, откровенно говоря, не порадовал: после выварки дерево размякло и местами расползлось от простого нажатия пальцев.

– Надо было просто замочить в масле, – предположила Марта, зябко поежилась в ночной рубаше и пошла растапливать печь. – Только не мой палку в ведре, – предупредила она, – в дереве сейчас столько зелья, что хватит отравить небольшой пруд.

– Шутишь?

Марта рассмеялась.

– Ну, похлебку я бы ею размешивать точно не стала. Непривычный человек и окочуриться после такого может. И в руки лучше никому не давай. Если вдруг пальцы оближут, плохо станет.

– Учту.

Я сунул в горшок вторую ветвь и взял испорченную заготовку, намереваясь выкинуть ее в помойную яму, но вдруг обнаружил, что размягчен лишь верхний слой, а под ним дерево сохранило и прочность, и упругость. Тогда я подумал-подумал и скоропалительных решений принимать не стал, решив для начала проверить, не выйдет ли из палки толк. А выбросить ее всегда успею.

Уже вечером, когда стекли остатки масла, я обскоблил и ошкурил заготовку, тогда и обнаружил, что жезл получился каким-то заворачивающе-неправильным. Тут и там выпирали и бугрились волокна, а сточить выпуклости не представлялось возможным из-за отсутствия подходящего столярного инструмента. Оставил все как есть.

Для пробы я острием перочинного ножа нацарапал на рукояти вязь смягчающих магическую отдачу символов, намереваясь впоследствии их углубить, и впал в ступор, пытаясь просчитать структуру иницирующих формул. Бугристая поверхность заготовки накладывала самые серьезные ограничения, стандартные подходы здесь не годились.

Вытребовав у Марты разделочную доску и муку, я допоздна вычерчивал возможные варианты, разбирал их и отбрасывал, пока не остановился на одной из схем, которая, по всем моим расчетам, наилучшим образом обеспечила бы взаимодействие жезла с незримой стихией. На этот раз я решил не наносить никаких стандартных заклинаний, предпочтя скорости сотворения отдельных чар универсальность инструмента.

Весь следующий день ушел на прорисовку формул, а уже на закате я опробовал свою поделку на практике. Привычным движением крутанул жезл и присвистнул от удивления: цепляла волшебная палочка эфир непривычно жестко и резко, создалось даже впечатление, что

пытаюсь управлять опущенным в воду веслом. Вспыхнули серебристым сиянием наметки колдовских писем, запахло паленым деревом. Из-за пропитки поверхность казалась слегка липкой, зато экстракт корня мандрагоры заморозил руку и погасил боль призрачных уколов. Да и в целом рывки и откаты сглаживались колдовским жезлом на удивление хорошо.

Своим новым инструментом я остался всецело доволен и без промедления приступил к вырезанию на жезле полноценных формул. Работал неспешно и в свое удовольствие, попутно обучал Марту взаимодействию с незримой стихией, и постепенно у ведьмы стали выходить некоторые простейшие чары.

К исходу зимы знахарка вполне уверенно строила большинство базовых схем, но вот беда – предварительно мне всякий раз приходилось для этого уплотнять эфир. С незримой стихией в спокойном состоянии Марта работала из рук вон плохо, и дело было вовсе не в недостатке способностей, проблема крылась исключительно в ее голове. В моих силах было дать девчонке знания, но я оказался не способен вытравить суеверную дурь о даруемой лесом силе. Это печалило.

3

Нехороший звоночек прозвенел в самом начале весны, когда снег стал подтаивать на солнце, а лес по утрам уже наполнял птичье пение. Я не понял этого, не осознал и не решил для себя, просто однажды проснулся с четким пониманием, что никуда не хочу отсюда уходить. Мне было здесь хорошо, а интриги и волнения большого мира лишь пугали и вызвали отвращение.

Марта мирно сопела, прижимаясь ко мне теплым боком, дом за ночь выстыл, и выбираться из-под одеяла несколько не хотелось, но у меня просто не оставалось иного выхода, кроме как слезть с полатей и начать собирать вещи.

В здравом уме и твердой памяти мне бы и в голову не пришло остаться жить в этой глухомани. Нонсенс! И значит, либо сеньор вон Черен начинает понемногу сходить с ума, либо он больше не хозяин своим чувствам и желаниям. И в том, и в ином случае следовало поскорее уносить отсюда ноги. Пусть перевалы и откроются только к концу месяца, но медлить не стоит, если только не желаю однажды проснуться, позабыв, что вообще собирался куда-то уходить.

Подпоясавшись оружейным ремнем, я заткнул за него волшебный жезл, а вторую заготовку, которая все это время вымачивалась в льняном масле и выжимке из корня мандрагоры, завернул в лоскут и убрал в подсумок. Поискал глазами сочинение о ментальном доминировании, и тут на печи заворочалась Марта.

– Филипп? – окликнула она меня. – Куда ты?

– Ухожу, – спокойно ответил я. – Рекомендательное письмо для поступления в университет оставлю у хозяина постоянного двора.

– Письмо?! Ты не можешь просто взять и бросить меня! Мне еще столько всего надо узнать!

Меньше всего мне хотелось выяснять отношения, но я не поддался порыву, не хлопнул дверью и заявил со всей возможной в этой ситуации твердостью:

– Тебе надо поступить на факультет тайных искусств и получить лицензию.

Марта тоненько рассмеялась, усилием воли подавила истерику и выкрикнула:

– Я не могу никуда отсюда уйти! Лес не отпустит! Это мой дом, пойми же ты! Без него я ничто!

– Бред! – отмахнулся я и поднял с пола снегоступы.

Девчонка обожгла меня злым взглядом льдистых глаз, поколебалась немного, будто собиралась с духом, и выпалила:

– Я – подкидыш!

– И что с того? Не важно, сирота ты или нет. Если не сможешь заплатить за обучение, тебе выделят стипендию.

– Ты не понял, дубина ты эдакая! – в сердцах выкрикнула Марта. – Я подкидыш! Мой отец человек, а мать – из древних альвов!

Мне приходилось и прежде слышать о бытовавших среди неграмотных кметов северных земель суевериях, будто бы прежние до сих пор встречаются людям в лесах и столь прекрасны на вид, что всякий увидевший их влюбляется с первого взгляда. По легендам, человеческая женщина не могла выносить ребенка альва, а вот обратное иной раз случалось, и тогда полукровку подкидывали на порог человеческого жилья.

– Ведунья воспитала меня как собственную дочь, – глухим голосом произнесла Марта, – но в прошлом году она умерла, и я осталась совсем одна в мире людей. Ты единственный, кто знает правду, ты помог мне и многому научил, но я должна овладеть своим даром!

– Овладеешь в университете.

– Я не человек! Мне нельзя отсюда уезжать!

Если бы каждый подкидыш был альвом-полукровкой, а не простым нежеланным бастардом, мир давно бы заполнили нелюди, но я говорить об этом не стал, лишь пожал плечами.

– С чего ты это взяла?

– Я почти не чувствую холода, вижу в темноте, и меня боятся собаки, – сообщила Марта, заметила недоверие в моих глазах и подошла к столу. – А еще холодное железо обжигает меня и лишает колдовских способностей!

Я и моргнуть не успел, как девчонка взяла разделочный нож и – нет, не резанула, а лишь приложила его длинный и узкий клинок к запястью. Скривившись, отняла его и показала оставшийся на коже уродливый красный рубец.

– Выглядит страшно, но это пустяки, – усмехнулась знахарка. – Пойми: всякий раз, когда я касаюсь железа, перестаю чувствовать энергию леса! Я лишаюсь всех своих сил!

Я забрал нож и внимательно изучил клинок, но тот оказался чистым, предварительно его не вымазали никакой едкой дрянью.

– Занятный случай... – Я покопался в памяти, припоминая слышанное как-то от приятеля-медика нужное слово, – аллергии, но это заболевание не делает тебя альвом ни на половину, ни даже на четверть.

– Ты не понимаешь! – Марта закрыла лицо ладонями, ее худенькие плечики затряслись в беззвучном плаче.

Я на девчонку даже не посмотрел, всем моим вниманием завладел нож. Поясницу заломило, в потрохах заворочалась колючая боль. На меня снизошло озарение.

Такое иногда случается – подсознание самостоятельно складывает в единое целое все имеющиеся в его распоряжении кусочки мозаики и выдает уже готовый ответ. Недаром мне приснилась фрейлейн Герда с окровавленным ножом. Святые небеса! Все было так просто!

Я кинул нож на стол, подхватил подсумок и выскочил на улицу. Хотелось убраться отсюда как можно быстрее и как можно дальше. Ангелы небесные, да я попросту спасался бегством, и отнюдь не только от девичьих слез!

Утренний морозец обжег разгоряченное лицо, свежий снежок закрипел под подошвами сапог, ветер растрепал полы плаща, и, пока застегивал крючки куртки, студеные порывы выдули из-под одежды все тепло. На миг показалось даже, будто на дворе не начало весны, а самый разгар зимних холодов. Всколыхнулось невольное сожаление, что пришлось сорваться в путь на пару седмиц раньше запланированного срока, но я и не подумал повернуть назад. Ну уж нет, теперь только вперед!

Дверь за спиной хлопнула, когда я уже вышел за ограду и двинулся к поляне с древним дубом.

– Лес не выпустит тебя! – донесся крик Марты.

Я не оглянулся и лишь прибавил шагу, уклонился от качнувшейся навстречу ветви, поднырнул под нацелившийся в лицо сук. Деревья словно пытались остановить меня, но не сумели даже задержать. Ведьма нагнала только на подходе к поляне.

Марта выскочила из дому как была, в одной ночной рубаше и босиком, к груди она прижимала плетеную куклу-уродца, да только беззащитный вид знахарки не наполнил мое сердце сожалением. Она выглядела такой хрупкой и ранимой, но я испытал одно только чувство – облегчение, осознав, что у бегущей вдогонку девчонки попросту нет возможности спрятать на себе разделочный нож.

– Лес не выпустит тебя! – вновь крикнула Марта. – Он уже просыпается! Он заведет тебя в чащобу и погубит!

– Вздор! – бросил я, даже не обернувшись, и вышел на поляну.

– Забыл, как блуждал и плутал? – напомнила девчонка, которая словно бы не испытывала из-за холода никакого неудобства.

– Теперь не придется, – усмехнулся я. – Вспомни, чему я тебя учил! Всегда контролирую незримую стихию!

Глаза Марты стали бесцветными и какими-то пронзительно-льдыстыми, ветер растрепал серебристо-снежные волосы, заставил взметнуться полы ночной рубашки. Девчонка на миг показалась призрачной воительницей, что, по языческим представлениям северян, собирают на полях сражений души погибших воинов.

– Невозможно! – прошептала Марта, только сейчас ощутив энергетику намоленного мною места.

– Теперь не придется плутать! – усмехнулся я и несколькими резкими ударами шпаги завершил выведенную на утоптанном снегу схему.

Эфир враз приобрел неестественную упорядоченность, полыхнул незримым пламенем, рванулся сияющей волной к небесам. Теперь я мог различить этот блеск с расстояния в пару миль. И пусть блистательная феерия не продлится слишком долго, этого времени с лихвой хватит мне, чтобы выбраться из леса и не заплутать.

Марта невольно попятилась от сияния незримой стихии. Ведьма растерялась и готова была даже расплакаться, но сумела взять себя в руки и упрямо поджала губы. Лицо ее закаменело, стало твердым и жестким, глаза вспыхнули ничуть не хуже призрачных огней.

– Ты не оставишь меня! – заявила знахарка. – Ты не можешь оставить меня! Я отдала тебе свою невинность!

– Если уж на то пошло, – скривился я, – из меня крови пролилось куда больше, нежели из тебя! Я-то не бил тебя ножом в спину!

Глаза Марты распахнулись от изумления, она охнула.

– Так ты знал? Все это время знал и молчал? Играл со мной?!

Я не стал прикидываться всеведущим и покачал головой.

– Увы, меня осенило только сегодня.

Девчонка скрестила на груди худые руки, словно пыталась защититься, и упрямо произнесла:

– Мне нужна была помощь! Нужен был кто-нибудь, кто мог обучить владению даром! Я не хотела причинить вреда!

– Да ты меня чуть не прикончила!

– Я не хотела! – с надрывом крикнула Марта. – Ты слишком резко дернулся, все вышло само собой! Ранение случайно получилось таким серьезным!

Я усмехнулся.

– Будем считать, что я не держу на тебя зла. Но у меня своя жизнь, а у тебя своя. Рекомендательное письмо заберешь на постоялом дворе.

Девчонка всхлипнула.

– Я совсем тебе не нравлюсь? – пролепетала она. – Я могу измениться! Могу стать воплощением твоих мечтаний!

И Марта действительно изменилась. Лицо ее приобрело милую округлость, волосы потемнели, по щекам рассыпались симпатичные веснушки, а ночная сорочка туго обтянула невесту откуда взявшуюся пышную грудь; двумя бугорками на ткани проявились набухшие соски.

Девчонка забралась мне в голову с поразительной легкостью, и я проклял тот миг, когда взялся учить ее грамоте по трактату о ментальном доминировании. Почерпнула оттуда ведьма отнюдь не только навык чтения.

Впрочем, я и сам штудировал это сочинение, поэтому скрипнул зубами и не без труда, но все же очистил сознание от наваждения. Морок никуда не делся, он лишь немного потускнел, позволяя разглядеть истинный облик девушки. Требовалось прикладывать немалые усилия, дабы не упускать его из виду.

– Убирайся из моей головы! – прорычал я.

Из Марты словно воздух выпустили.

– Я не могу позволить тебе уйти! Только не сейчас! Я еще не овладела силой, тебе придется научить меня!

– В университете научат, – отрезал я.

Девчонка подняла руку с плетеной куклой.

– Волосы и ногти. Пот и слюна. Кровь и семя. Ты мой!

Я не успел рассмеяться над глупыми суевериями; в кукле вдруг всколыхнулась неведомая сила, призрачно-зеленые жгуты выстрелили из нее и оплели меня, присосались к эфирному телу, попытались поработить волю. Никакой простец не сумел бы противиться ведьмовским чарам, пропал бы вмиг, да и мои ментальные блоки сгорали под напором один за другим.

Кровь закипела, тело откликнулось на магический призыв, сознание затуманилось, и единственное, что оставалось, – это захватить побольше эфира, перекрутить его и отгородиться, словно стеной. После за это придется расплатиться невыносимой болью, но за обретение свободы можно отдать и больше.

Я потянулся к эфиру и вдруг обнаружил, что незримая стихия вокруг странно искажена присутствием чего-то невероятного. Лес будто откликнулся на призыв ведьмы и обрел еще одно измерение, окутался мраком, но не иссиня-черным – ночным, а мрачной зеленью глухой чащобы. Древний дуб навис надо мной, раскинул ветви, нацелился кривыми сучьями. Трещины на его старой бугристой коре оскалились сотнями голодных ртов, алчущими теплой человеческой крови.

Во всем мире осталось лишь одно чистое пятно: мое заветное место, огражденное силой молитв. Я шагнул в столб рвавшегося к небу сияния, но щупальца ведьминой волшбы не побоялись святости, не отпустили и потянулись следом, чужая воля вцепилась в меня бесчисленными пиявками, принялась наполнять тело похотью, а мысли – всепоглощающей любовью, не оставляя места для иных желаний и чувств.

И тогда я захватил столько небесного эфира, сколько смог. А потом зачерпнул немного сверх того. И еще! Поток силы наполнил тело нескончаемым экстазом, оторвал от земли, превратил в нечто большее, нежели просто смертный человек. Бренная плоть засияла, преображаясь в чистую энергию, меня потянуло вверх, в неведомые дали, прямоком на небеса, и жгуты чужой воли принялись рваться и лопаться, не в силах противодействовать мистерии воссияния.

Сознание очистилось от навеянного ведьмой наваждения, но точно так же его оставили все обычные человеческие эмоции. Сияние небесного эфира оплело коконом, запуская про-

цесс перерождения, и тут же взорвалась нестерпимой болью выжженная на лопатке ангельская печать, огненная плеть обвилась вокруг тела – точно по расчертившему торс шраму! – и сдернула с небес на грешную землю, как вырывают из воды насаженную на гарпун рыбину.

Я рухнул в снег, и переполнявшая меня сила выплеснулась наружу. Неспособная удержаться в ущербном теле, она залила все вокруг невыносимым сиянием, разметала сугробы, разорвала клубившийся вокруг древнего дуба мрак. Кору расчертила длинная трещина, дерево заскрежетало и повалилось, переломленное надвое. Ощущение чужеродного присутствия сгнуло, незримая стихия очистилась и вновь обрела свою кристальную ясность.

Лес перестал угрожающе щериться и отступил, оставил меня наедине с ведьмой. Остатки энергии медленно истаивали и развеивались, заставляли искриться и потрескивать сам воздух. Я не чувствовал их колючих разрядов; напротив, ощущал себя заново родившимся. Ангельская печать на спине больше не казалась откованной из раскаленного докрасна железа, она не прожгла меня насквозь, а полыхнувший огнем шрам не развалил торс надвое. Боль прошла, словно ее и не было вовсе.

Далеко не сразу удалось вспомнить, кто я и где нахожусь, а когда взгляд наконец сфокусировался на ведьме и вернулись воспоминания, из меня с облачком пара вырвалось лишь короткое:

– Я ухожу!

Марта уронила свою зачарованную куколку, ныне совершенно бесполезную, и закусила губу. Удерживать меня дальше она не стала. Оно и к лучшему.

Часть вторая: Белая дева

Глава 1

1

К окраинам городка я вышел уже в ранних весенних сумерках. Сугробы за зиму слежались, и снегоступы проваливались в них не слишком глубоко, да еще часть пути удалось пройти звериными тропами, и даже так выбраться из леса оказалось задачей не из легких. Когда б не сияние распаленного мною эфира, стигнул бы, заплутал в чащобе.

Но я не заплутал и вышел к людям, а там, наплевав на усталость, первым делом заявился к оружейнику. К моей несказанной радости, почтенный сеньор оставленных на чистку пистолей за это время никому не сбыл и выдал оружие по первому требованию.

– Есть неписаное правило, – усмехнулся в бороду мастер Дабинкерт, оценив мою радость, – пока не сойдет снег, людей умершими не полагать. В лесах всякое случается, да и горы близко.

– Замечательное правило, – улыбнулся я, убирая футляр с пистолями в подсумок. – Мое почтение, сеньор! Приятно было иметь с вами дело!

Раскланявшись с оружейником, я поспешил в корчму, и вот там меня поджидал сюрприз не из приятных. Рыться в пожитках колдуна хозяин побоялся, зато седло и упряжь продал без зазрения совести.

– Ваша милость! – вскричал он, заламывая руки. – Ну посудите сами – вы пропали, а вещи место занимают! Не хранить же теперь их десять лет! У меня не склад здесь!

– То есть пока снег сойдет, решил не ждать? – хмуро глянул я в ответ, стянул перчатку, сжал и разжал кулак.

Пройдоха шумно сглотнул и проблеял:

– Войдите в положение...

Я был голоден, замерз и устал, а злостью так и вовсе мог посоперничать с князем за пределами не из последних и потому с ходу отмел все увещевания, велел рассчитаться за седло звонкой монетой. Хозяин таким требованием оскорбился до глубины души, и в итоге мы сторговались на половине реальной стоимости сбытого имущества да еще на бесплатной ночевке и харчах. А уже утром меня должны были отвезти на санях в Рауфмельхайтен – пограничный городок у ближайшего к нам перевала через Тарские горы.

Наевшись до отвала, я перетряхнул саквояж и дорожный мешок, но из вещей и в самом деле ничего не пропало; в этом отношении хозяин не обманул. В своей единственной потере виноват был я сам: убегая из дома ведьмы, забыл прихватить сочинение о ментальном доминировании.

Впрочем, невелика потеря! Везти запретный труд через границу было в любом случае неосмотрительно. Авторитет Вселенской комиссии по этике за пределами империи не слишком велик и не уберезет от досмотра личных вещей самодуром-таможенником. А мало ли в каких черных списках фигурирует сей злокозненный труд?

В путь на следующий день выдвинулись на рассвете, а ближе к полудню впереди замаячили пологие отроги Тарских гор. Дорога там петляла из стороны в сторону, огибала скальные выступы, взбиралась на крутые холмы и ныряла в распадки. Иногда сани ехали по перекину-

тым через провалы мостам, иногда ползли по серпантину и жались к отвесным стенам, стоило только прозвучать рожку встречного экипажа.

Сразу стало ясно, по какой причине древние строители решили не тянуть староимперский тракт напрямик через Тарские горы, а предпочли увести его на запад, сделав крюк по территории современного Майнрихта. Проложить здесь нормальную дорогу было попросту невозможно.

Коронный город Рауфмельхайтен выстроили в небольшой долине между горным хребтом с одной стороны и отвесным ущельем – с другой, а дорогу к перевалу закрывала крепость, возведенная еще в незапамятные времена Полуденной империи. Сложенная из огромных каменных блоков, она довлела над долиной и не терялась даже на фоне гор, столь колоссальное сооружение собой представляла.

Некогда твердыня сдерживала воинственные племена варваров, теперь же ее гарнизон не столько защищал город от возможных посягательств великого герцогства Сваами, сколько остужал горячие головы из числа местных феодалов. Империи требовался прямой путь в северные земли, и светлейший государь не собирался уступать контроль над ним никому. Окрестным сеньорам оставалось лишь вздыхать, а их мытарям – истекать слюной, подсчитывая уплывающие из рук барыши.

Рауфмельхайтен жил за счет торговли, и Рауфмельхайтен за счет торговли богател. Тесная долина была сплошь застроена домами и складами, по назначению использовался буквально каждый клочок земли. Улочки были узенькие-узенькие, у встречных телег и возов там не оставалось никакой возможности разъехаться, а верхние этажи и крыши домов едва не смыкались, полностью закрывая небо.

Серьезные купцы прибывали сюда в самом начале весны, когда арендные ставки только только начинали свое шествие за облака, а конкуренты еще не успели столкнуться с комендантом о первоочередном проходе на ту сторону гор. С открытием перевала всеобщий ажиотаж понемногу сходил на нет и возвращалось привычное течение жизни; пока же город заполняли торговцы, их слуги и охранники, вольные коробейники, ремесленники и всяческое жулье. Тут и там вспыхивали драки, улицы патрулировали вооруженные до зубов солдаты гарнизона.

К счастью, мне толкаться в переполненных гостиницах в поисках свободного угла не пришлось – университетский перстень помог снять мансарду над книжной лавкой. Пусть комнатка была тесной и холодной, но за те же деньги на постоялом дворе пришлось бы ночевать на лавке в общем зале. Да и то при большой удаче.

Погода не радовала, со стороны гор постоянно дул ледяной ветер, время от времени шел снег, а изредка по городу прокатывался далекий рокот сходящих со склонов лавин. Когда в этом году станет проходимым перевал, никто предсказать не мог, и поскольку мой кошель пустел с небывалой скоростью, пришлось затянуть пояс. Пусть и жил я отнюдь не впроголодь, но нет-нет да и вспоминал хлебосольство фрейлейн Марты.

К тому же совсем без трат дело все же не обошлось. На второй день своего пребывания в городе я отыскал лавку братства святого Луки и приценился к янтарю с небесным эфиром. Подходящие к моим четкам бусины стоили по два талера и десять крейцеров за штуку, и хоть расценки не порадовали, но деваться было некуда, пришлось доставать деньги.

– Отдадите пару за четыре талера? – предложил я без особой надежды выторговать скидку, и монах с печальной улыбкой, но вместе с тем весьма решительно покачал головой.

Я едва не помянул вслух ангелов небесных, но вовремя прикусил язык и распустил завязки кошель. Монет внутри оказалось как-то совсем уж немного; я подумал-подумал и вынул платочек с двумя гульденами. К ним присовокупил пару талеров с ликами светлейшего государя.

Монах вновь улыбнулся, на этот раз ободряюще, и самым придирчивым образом изучил золотые монеты; он даже не поленился выставить на прилавок чашечные весы и сравнить их вес со свинцовой гирькой-эталонем. Серебряные талеры столь тщательного осмотра не удостоились, их оценили на глаз.

Убедившись в надлежащем качестве монет, молчаливый брат выдал десять крейцеров сдачи, выставил на прилавок лакированную шкатулку и откинул крышку. Внутри лежало с полсотни янтарных бусин, испускавших мягкое тепло небесного эфира. Как это и было заведено, мне предоставлялась возможность самостоятельно выбрать приглянувшиеся зерна.

Я воспользовался истинным зрением и указал сначала на один янтарный шарик, затем на другой. Пусть они и были не самыми яркими, зато отличались наиболее ровным и теплым сиянием. Их совершенно точно изготовили настоящие виртуозы своего дела, а не охваченные религиозным экстазом юнцы, которые зачастую не уделяли достаточного внимания стабилизации заливаемого в янтарь эфира.

Новые бусины я тут же нацепил на четки, а пару снятых продал в первой попавшейся на глаза ювелирной лавке. Денег много не выручил, зато мастер без всякой дополнительной платы и лишних вопросов сточил напильником один из крейцеров и самым тщательным образом собрал на обрывок ткани всю серебряную пыль. Опилки этого драгоценного металла предназначались для доработки магического жезла.

На улицу я выбирался редко, только ходил завтракать в таверну на соседнем перекрестке да наведывался туда же ужинать с наступлением вечерних сумерек, а все остальное время разбирался с волшебной палочкой. Раз за разом я посыпал вырезанные на ней символы мелкой серебряной стружкой, пропускал через жезл малую толику силы, и благородный металл плавился, частично испарялся, а частично въедался в дерево. Пришлось без остатка потратить эфир одной из бусин, зато после обработки мой инструмент стал способен выдерживать несравнимо большие нагрузки, нежели до нее.

Затем пришел черед упражнений с жезлом, и поскольку в обращении с волшебными палочками я никогда особой ловкостью не отличался, то начал с отработки простейших связок. Левой рукой, как и большинству правой, действовать было не слишком сподручно, поэтому дело продвигалось со скрипом, но я работал. Крутил петли, вычерчивал дуги, вязал узлы, разучивал связки и переходы. И мало-помалу в своих упражнениях преуспел до такой степени, что рискнул перейти к плетению полноценных заклинаний, благо, листая учебник Уве, успел освежить теоретические познания и худо-бедно представлял, чего именно хочу добиться.

На первоначальном этапе я не касался жезлом эфира вовсе и отрабатывал порядок действий простыми махами, затем начертил на полу круг святого Варфоломея и стал действовать в полную силу. Пропитка льняным маслом и настойкой корня мандрагоры не сделала дубовую палочку липкой, но всякий раз ладонь словно приклеивалась к дереву и полностью теряла чувствительность, а пальцы и вовсе будто замораживало. Помимо этого вырезанные на жезле формулы самым серьезным образом снижали магическую отдачу, и хоть укусы призрачных ос по-прежнему вспыхивали на коже бесчисленными точками, теперь они просто напоминали о давней травме, а не пронзали плоть раскаленными спицами и не заставляли гореть руку нестерпимым огнем. И это меня откровенно радовало.

Я совсем уж вознамерился сделать из второй заготовки запасной магический жезл, но не успел. Увы и ах, в очередной раз наступило полнолуние...

2

Дорога тянулась через выжженные летним зноем поля, огибала апельсиновые деревья и сразу закладывала новую петлю, опоясывая подножие невысокого холма. Бурая лента вытоп-

танной земли не поднималась к пологой вершине с ветряной мельницей, лишь охватывала желтевший пожухлой травой склон и терялась из виду за возвышенностью.

Я и понятия не имел, что поджидает нас за поворотом, и это обстоятельство меня откровенно нервировало. Впрочем, сейчас меня нервировало решительно все. Зависшее в зените солнце жарило просто немилосердно, пот стекал из-под шляпы и катился по вискам, пропитывал закрывавший низ лица платок. Одежда давно посерела от клубившейся в воздухе пыли, глотка пересохла, на зубах скрипел песок.

Святые небеса! Плачу золотой за пригоршню снега!

Подул легкий теплый ветерок, и зеленая листва маняще зашелестела, но пустое – невысокие апельсиновые деревца росли не слишком часто и тени почти не давали. Я легонько сдвинул коленями бока лошади, и усталая животинка неспешно потрусила вдоль канавы с разошедшейся по причине засухи грязью. Дождей не было больше месяца, и жара сводила людей с ума, заставляла их резать друг другу еще яростней, нежели обычно. Будто такое вообще было возможно!

Лавара! В злосчастной южной провинции каждый второй был еретиком и мятежником, а остальные пусть и не брались за оружие сами, всем сердцем желали ненавистным северянам поскорее провалиться сквозь землю. Союзников среди местного населения у присланных светлейшим государем войск не было вовсе – в спину императорским солдатам плевали даже те, кто не разделял убеждений ересиарха Тибальта. И если бы только плевали!

Стеганный колет под кольчугой пропитался потом, я будто варился в собственном соку, но и не думал избавляться от опостылевшего доспеха. Пусть, по сведениям армейской разведки, крупных сил еретиков в округе и не наблюдалось, лихой человек с луком вполне мог попытаться счастья и выстрелить из кустов по офицеру. А нет для мятежников цели более желанной, нежели обер-фейерверкер ландскнехтов! Даже останавливаясь на постой в деревнях, спать приходилось вполглаза с заряженным пистолем под рукой.

Я обреченно вздохнул. Полуденный зной накатывал волнами; возникло нестерпимое желание направить конягу на ту сторону канавы и поехать напрямик через сад, но отрываться от колонны пикинеров я не стал, просто перегнулся из седла и сорвал один из листков. Размял его пальцами, опустил с лица платок и втянул упоительный аромат. На миг стало легче.

Послышался стук копыт, я оглянулся и увидел, что приближается Ланзо Хофф – командир приданного нам взвода конной разведки. Помимо головного дозора обоз сопровождали фланговые наблюдатели, да еще трое конных ландскнехтов отстали и лишь изредка приближались к арьергарду.

– Проверили? – спросил я, пусть редкие деревца и не могли послужить укрытием никому мало-мальски крупному отряду.

Капрал кивнул и стянул на шею носовой платок. У глаз на раскрасневшемся лице осталась полоска запыленной кожи. Дородный и круглолицый Хофф изнывал от жары больше остальных, но давно уже утомился сыпать по этому поводу богохульствами и проклятиями.

– Послал парней осмотреться на той стороне холма, – сказал Ланзо, придержал коня и указал рукой. – Вон они!

И точно – трое верховых миновали апельсиновые деревья и направили лошадей к вившейся у подножия холма дороге.

– С севера холм порос кустарником, можем нарваться на засаду. Им бы время дать...

Ланзо замолчал и неодобрительно глянул на колонну пикинеров. Во главе той скакал молодой лейтенант. Компанию ему составляли два унтер-офицера много старше, но, как мы уже успели убедиться, права голоса ветераны не имели.

Маршировавшие следом пехотинцы выглядели изможденными и усталыми. На плечах они волокли тяжеленные пики, а кольчуги, нагрудники и шлемы все как один сняли и убрали в заплечные мешки; многие разулись и шагали босиком. Самые недалекие стянули рубахи и

уже к полудню заработали впечатляющую коллекцию солнечных ожогов, а носы и щеки так и вовсе покраснели у всех без исключения. Местное солнце не жаловало непривычных к его жгучим лучам северян.

Поднятая ногами солдат пыль долго еще клубилась в воздухе; моим артиллеристам и десятку лучников арьергарда приходилось несладко. Цветастые одежды посерели, пышные рукава с разрезами слиплись от пота, поля и перья шляп обвисли. Салადы сложили в обозные телеги вместе с остальным снаряжением, но кирасы не снял ни один ландскнехт; за этим зорко следили командиры орудий.

Ланзо Хофф сплюнул и негромко выругался:

– Напыщенный индюк! Мы еще хлебнем с ним горя, поверь мне на слово!

Я лишь кивнул, согласный с капралом целиком и полностью, но промолчал. От меня уже ничего не зависело, а сотрясать воздух пустыми ругательствами было слишком жарко.

На войне не все и не всегда идет гладко и по плану. Война – это вотчина хаоса, и приказ в срочном порядке перебросить артиллерийскую батарею под Солено меня несколько не удивил. Как не удивило и предписание выдвинуться на марш вместе с ротой пикинеров Легенбургского пехотного полка. В охваченной мятежом провинции одиночный обоз мог стать легкой добычей летучих отрядов еретиков, но с учетом взвода конной разведки, десятка лучников и расчетов четырех орудий иррегуляры мятежников нашему отряду были не страшны.

Теоретически. Все гладко было лишь на бумаге, на деле ситуация сложилась препоганейшая. Пикинеры оказались присланным в провинцию пополнением, состоявшим сплошь из желторотых новичков, и хуже того – желторотым новичком был их лейтенант. Приказ гласил прибыть к Солено до конца дня, но только-только получивший офицерский патент юнец во что бы то ни стало решил отличиться и задал такой темп, что непривычные к жаре люди окончательно вымотались и начали падать в обморок уже к полудню. Все, на что они сейчас были способны, – это бездумно переставлять ноги.

В случае нападения мятежников толку от них окажется немного, и даже так оставить батарею без поддержки пехоты не имелось решительно никакой возможности. Четыре шести-фунтовые пушки нового образца были существенно легче и короче традиционных, они обошлись Сизым псам в просто умопомрачительную кучу золота, и я отвечал за них головой в буквальном смысле слова.

Лейтенант проехал мимо, даже не глянув в нашу сторону, следом, вздымая пыль, потянулись уставшие солдаты. Колонна начала огибать апельсиновые деревья, а я поднял руку, призывая батарею остановиться, и рявкнул:

– Держать дистанцию! Держать, кому сказано!

Передки с пушками и зарядными ящиками замерли, а возницы телег немного замешкались, но толчеи не случилось.

Подошел мой заместитель – долговязый и костлявый фейерверкер Ганс Рикель; на его поясе помимо тесака и кинжала висел потертый колдовской жезл.

– Решил дать отдых лошадям? – спросил он, смахнув кативший по лицу пот. – А не отстанем, Филипп?

– Нет, Ганс, – покачал головой Ланзо Хофф. – Моим людям нужно время осмотреться на той стороне холма.

– А эти? – пренебрежительным кивком указал фейерверкер на пехотинцев.

Я снял с пояса флягу и сделал глоток вина, изрядно разбавленного водой и омерзительно теплого. После с нескрываемым отвращением скривился.

– Мне вразумить лейтенанта не удалось.

– Лейтенант вон Бром! – усмехнулся артиллерист. – Разве благородный сеньор офицер станет прислушиваться к словам презренного наемника?

Я только махнул рукой и оглядел обоз. Пользуясь неожиданной остановкой, бойцы расселись в тени повозок. Лучникам из арьергарда оставалось лишь завистливо вздыхать, но жаловаться им было грех: всю дорогу стрелки, время от времени сменяя вдруг друга, ехали на телегах. Пикинеры о таком не могли даже мечтать.

Ганс отошел, а капрал разведчиков вновь натянул на пухлые щеки носовой платок.

– Сеньор обер-фейерверкер, так что же заставило вас пойти в ландскнехты? – поинтересовался он, маскируя за шутливым тоном живейший интерес. – Читали бы книжечки всякие умные...

Я усмехнулся.

– Сменил климат по состоянию здоровья.

– Раньше речь шла о деньгах, – напомнил Ланзо.

– Не люблю повторяться. В следующий раз придумаю что-то новое.

Капрал хохотнул и вдруг подавился смешком.

– Смотри! – указал он на холм.

Я обернулся, и сердце ухнуло вниз, разом провалившись куда-то в потроха. На вершине холма мелькали фигурки людей. Вооруженные луками мятежники выбегали из-за мельницы и перепрыгивали через невысокую каменную оградку, готовясь обрушить смертоносный град стрел на оторвавшуюся от нас колонну пикинеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.